

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

ВОЛЫН: ТРОНЫ

Андрей Фролов

Волчьи тропы

«Автор»

2004

Фролов А. Е.

Волчьи тропы / А. Е. Фролов — «Автор», 2004

Раумсдаль – это не только мечи, вера в древних Богов и закланные пули, это надёжное плечо друга в битве, самостоятельный выбор своей судьбы, бесконечная дорога под кругом Мидгарда. Эта сага не только вымысел скальда... Когда-то его звали Михаил Жаров и он был механиком «Убежища-45». Отныне он называет себя Ивальдом, сыном Орма Змеёныша. Теперь он дверг-кузнец из Волчьей Крепости, хирдман конунга Торбранда. Долгий путь предстоит пройти бывшему подземнику, чтобы понять странных северян. Путь военных походов, пролитой братской крови, героических схваток... Спор о хозяевах Сибири вспыхивает с новым, невиданным ранее ожесточением.

© Фролов А. Е., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Сага первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Фролов

Волчьи тропы

Раньше я не верил. Трудно сказать, конечно, что не верил ни во что. Но так, как научили меня, подчас ценой собственных жизней, верить эти странные люди, я не верил никогда. А уж прожил, как сам считаю, в нашем опасном мире не так уж и мало длинных лет... Или зим, как правильнее. Зима – она ведь лета старше.

Они действительно многому меня научили... Словно подарили вторую жизнь, как сами это и объясняют. А в скором времени вслед за ними начал объяснять и я. И знаете, наверное, мне действительно этого не хватало – пусть даже навязанного силой, но участия, присутствия в некой схеме, надежной и прочной, как камень. Как гранит. Как этот круг людей.

А еще, может быть даже самое главное, эти люди научили меня надежде. Надежде на лучшее, да что там – все той же самой вере в себя и плечо побратима, что стоит рядом. Научили на самом деле верить, что холодные снега долгой зимы Фимбульветр еще не ложились на многострадальную Землю, возвещая о Конце Времен, а это значит, что у человека все еще остается шанс. За который, как это ни тяжело, так часто нужно сражаться. Они научили меня изменять путь и добиваться своего, хоть зачастую и очень высокой ценой. Такие простые, жестокие и странные люди...

Мир не умер, не верьте слухам. Те, кто считают так, убоги и бедны, они достойны лишь жалкой доли своей судьбы, которую оказались так и не способны изменить. Каким бы страшным, непредсказуемым или опасным он не являлся нам порой, это все же живой, пышущий красками Мир, за который, наверное, даже стоит умереть. Изменив себя, я не стал великим воином или героем, но сейчас хочу поделиться с вами бесценными крупицами приобретенного сокровища – этой нерушимой, закаленной в крови друзей верой, пронесенной через века. Даю вам слово, что пока существуют люди, подобные этим, до Зимы, до белого погребального савана, несущего человечеству покой и забвение, еще так успокаивающе далеко...

Сага первая

I

Бросок был хорошим. Пожалуй, можно было даже сказать – лучшим за все сорок последних. Нож все еще гудел, на полклинка утонув в изгрызенной доске мишени, а напарник Михаила коротко хохотнул, едва ли не подпрыгивая на месте, и хлопнул в ладоши, раскидав по останкам дома эхо.

– Десяточка!

Михаил поднял глаза. Действительно, десяточка... Что-то радостно бурча себе под нос, Владимир перебрался через перевернутый диван, подошел к стене и один за одним с натугой выдернул из мишени все три ножа. Оскалился, горделиво оборачиваясь к напарнику, и убрал оружие в чехлы наплечной портупей. Поправил оттягивающие пояс подсумки, искоса взглянул на карлика, прищурился.

– Не подкачают? – Владимир неожиданно, словно нож метнул, сменил тему, возвращаясь к нудному разговору. – А, Миш?

Тот не ответил, вздохнул, откидываясь на спинку стула, и снова поднял взгляд к потолку. Он, конечно, тоже ожидание не любил, но и нервничать, как Володя не собирался. Придут они, придут, ведь тысячу раз уже говорил... Да и вообще, сказать честно, сейчас Михаила, против собственной воли опять погрузившегося в привычное состояние, занимал совершенно другой вопрос, нежели запаздывающие на встречу контрабандисты. Он попытался сосредоточиться, старательно выискивая в окружающей его природе ускользающий из-под носа ответ, но напарник снова не давал.

– Понимаешь, Миш, когда много времени ходишь, – он намеренно сделал ударение на последнем слове, подчеркивая независимый статус, – привыкаешь быть готовым ко всему... Ну, например, – он отбросил ногой гнилую доску, подходя к ярко освещенному солнцем окну, возле которого и сидел Миха, – они действительно неплохо вооружены?

– Владимир, – неторопливо изрек Миша, сдерживая очередной вздох, – я уже неоднократно рассказывал тебе, что это за люди. Это мои знакомые, партнеры, если угодно... Опасаться нечего, поверь мне. А вооружение?... Ну, как ты сам думаешь, какое необходимо вооружение группе, собирающейся проделать полсотни километров марша с мешком денег за плечами?

Володя покачал головой, словно собирался оспорить слова напарника, но ничего не сказал и только поправил на голове широкополую шляпу. Отошел вглубь дома, к лежанкам, которые они соорудили еще двое долгих суток назад, как только пришли в деревню. Задумчиво глядя в ободранную стену, напился из плоского бурдюка. Отложил на покосившийся стол и легко опустился на корточки к спальным мешкам, придвигая к себе две кожаные сумки, содержимое одной из которых через несколько часов если не сделает их миллионерами, то обеспечит безбедное проживание на ближайшую пару лет уж точно.

– Полсотни километров марша... – задумчиво пробормотал он, и от Михаила не укрылось, как, протянувшаяся было к сумке, рука рейнджера невольно легла на потертое ложе старенького арбалета. Словно невзначай, Володька все же притянул оружие к себе, проверил тетиву и сдвинул с бедра на пузо короткий открытый колчан.

Миша равнодушно вперил взгляд в пролом окна и вновь вернулся к так и не решенному с самим собой вопросу, приготовившись опять погрузиться в бесплодные раздумья. Над заброшенной деревней стояла тишина и только где-то на противоположной окраине изредка хлопала

неугомонная ставня. Зря он, Володя, так суетится. Придут, посмотрят, ну может поторгуются для формы, хотя цену уже обговорили... Сколько раз сам Миха им товар сдавал? Много... Хотя, наверное, такая уж у бродяжника жизнь – в постоянном недоверии к миру. Невольно отвлекаясь от раздумий, Михаил бросил косой взгляд на напарника, возящегося с арбалетом в дальнем углу комнаты. И невольно поднял руку к груди, мозолистыми пальцами касаясь висящего под брезентовой курткой сокровища – противопехотной гранаты. Есть, конечно, и ножи и арбалет Володькин, да и у самого Миха тоже самострел добрый, но эффект, производимый на людей древней гранатой, всегда был наиболее ошеломляющим... Хотя всей своей простой и сильной душой Миха действительно верил, что до этого не дойдет.

– Пойду, пошатаюсь, – Володька вдруг двинул к дверному проему, мгновенно исчезая в высокой траве, по-настоящему непроходимой стеной окружавшей дом, и Миха заметил, что арбалет взведен.

– Ну, пошатайся, – негромко пробормотал сомкнувшимся за рейнджером кустам. Он с неприязнью вдруг понял, что опять начинает завидовать. Легкой походке, умению пройти через камыш, не потревожив птиц, ловкости и скорости напарника. Поерзал, отгоняя назойливые мысли, и посмотрел вверх, в июльское небо. Туда, где жил так и не решенный Михой вопрос.

Яркий день заглядывал в брошенный дом, гулял по пустынным улицам, умывался в темном колодце и усмехался над ломающим голову подземником, забавляясь его умению искать вопросы там, где любой другой, будь это хоть Горожанин, хоть Светящийся, просто прошел бы мимо.

Миша запросто мог ответить, отчего встал станок, как заменить систему водопровода в нижних этажах Убежища, сколько секунд калили клинок или как снова поставить на колеса сожженный отродьями тягач. Многие улыбались, качали головами, наблюдая, как он устанавливает контакт с найденным последней экспедицией на Поверхность старинным кинескопом, но умения и знания Михины оспаривать не брались, в случае любой поломки или нужды обращаясь именно к нему. И это не только в Сорок Пятом Убежище...

Сегодня же Михаил почувствовал, что двухдневное сражение им проиграно. Едва ли не с тоской поднимая глаза к дырявому потолку, он допускал самые смелые и отчаянные теории, но ответ так и не приходил.

Каким образом сорвало крышу, совершенно не покорежив стен и потолочных перекрытий, щербатыми осками дыр обращенных к ясному сегодня небу, Михаил понять так и не мог. Не один раз уже неторопливо обошел избу по периметру, осторожно и терпеливо перебираясь через завалы старой мебели и нанесенного ветром хлама, несколько раз взбирался под самый потолок, с необычайно умным видом осматривая срезы стен, и удрученно возвращался на прежнее место.

Миша еще немного придвинул к окну стул, догоняя ускользящий по грязному полу луч солнца.

Конечно, крышу могло рвануть взрывом, но тогда почему у стен такие ровные и не обожженные срезы? Кроме того, взрыв бы наверняка нанес еще большие повреждения самому дому, а то и поджег... Ураган, торнадо или смерч Миха просто отметал – произойди такое, и дом стал бы похож на высосанную яичную скорлупу, а так вроде даже кое-какая мебель цела. Ударная волна? Тогда крыша наверняка должна была находиться где-то в относительной близости, а в ближайших огородах и улицах Михаил ничего не нашел. Самую последнюю версию – что кто-то забрал крышу трофеем, осторожно сняв со здания – Михаил не принимал из-за нелепости... Хотя в наше время вообще все возможно.

Он заворочался на стареньком стуле и тот предупредительно застонал, заставляя седока перенести вес вперед. Старые вещи. Может быть, еще довоенные. Миха еще раз скользнул взглядом по нависающему над домом синему небу и тяжело вздохнул. К старательно подав-

ляемому чувству нетерпения начало примешиваться что-то еще более противное и свербящее, как происходило всегда, когда Михаил не мог найти ответа на поставленный перед собой вопрос. Вопрос, касающийся Вещей.

Вещей любых, от пистолета до газонокосилки, чего угодно когда-либо сотворенного руками человека. Вещи говорили с Михой и он отвечал им. Заботой, уходом, одолжением второй жизни. Ржавый бак на берегу озера, моток каленой проволоки в кустах, кожух от двигателя или разбитая керосиновая лампа – все эти предметы в пальцах Михаила отвечали лишь на два вопроса: «откуда это?» и «что из этого можно сделать теперь?!». Потому что Миха был кузнецом. Незаменимым кузнецом.

Не в привычном понимании этого слова, от которого человечество и его боковые ветки отделяло несколько веков, но в расширенном. Были в этом слове и отсветы пламени горна на прокопченном лице подземника, когда из куска мертвого железа рождается клинок ножа; были тут часы долгой и кропотливой работы над заваленным инструментами и деталями столом, когда из горы пружин и болтов выходил удобный и надежный самострел; были сотни метров проволоки, искусно превращаемые в вязь кольчуги. Дерево, железо, пластик, ткань и глина – все было подвластно кузнецу.

Сила и решительность, пальцы, способные согнуть гвоздь, и плечи, на которых так удобно и весело катать детишек. Вещи говорили с Михой и он говорил с ними в ответ.

Конечно, были моменты, когда накатывала тоска. Зависть, уныние и что-то еще... По непрочитанным книгам, по неистоптанным дорогам, по небу, купол которого на протяжении всей жизни, как повелось издавна, заменяли стены и перекрытия родного Убежища. Вот Володька! Сколько лет рядом, а ведь их даже сравнивать нельзя – один ловкий и быстрый, второй неторопливый и упорный; тот стройный и высокий, этот в полтора метра не укладывается, руки до колен, в плечах шире двери; там ум, отточенный напряженной борьбой за Поверхность, тут стремление отрыть еще одну шахту и страх ко всему, что движется больше чем на двух ногах. Незаметно для себя, Миха тяжело вздохнул, машинально отламывая от гнилого подоконника маленькие щепки. Иногда он думал, что лучше бы ему было родиться все же человеком. Пусть даже на Мертвых Землях. Пусть даже с рождения обреченному на медленную смерть без потомства. Умелый, нужный, почитаемый, словно добрый клинок в семье охотника, но не человек...

Наблюдая, как тихо и стремительно Володька пересекает колодезную площадь, прислушиваясь к окружающей тишине и всматриваясь на скатывающуюся с горки дорогу, Миха залюбовался напарником. Жить Наверху – это по-другому. Опаснее, интереснее, живее, загадочнее. Убежища – «Ваулты», как говорили приходившие по прошлой зиме Миссионеры, действительно изменили поколения проживших в них людей, создав очередное ответвление в линии развития человечества и его современных подвидов. Хранители подземелий, собиратели последних крупиц технологий и чистой, незараженной Светом крови. Почетно?

Владимир еще раз обошел площадь, приблизился к колодцу, откладывая арбалет на край сруба, и неторопливо умылся из жестяного ведра. Вдруг неожиданно поднял голову, словно поднятый с водопоя зверь, и резко повернулся в сторону убегавшей в далекий лес дороги. Миха, чувствуя, как замедляется дыхание, медленно поднялся, скрипнув стулом и едва его не уронив. А рейнджер тем временем подхватил арбалет и бегом припустил в сторону их дома – единственного, что стоял среди десятка себе подобных, но без крыши. Правильно Вовка решил: подумают – не станет человек в таком, насквозь дождем пробиваемом, себе убежище делать, и обойдут, не заподозрив.

Рейнджер бежал пригнувшись, легко и быстро, словно по-кошачьи, и это сразу навевало тревогу, неясные такие мысли о засевших в подсолнухах стрелках. Миха прикоснулся рукой к груди, отгоняя мрачные думы. Но уже кольнуло в сердце, не отпуская, словно предчувствие...

Если уж его напарник встревожен, значит и ему пора как минимум собраться – не станет Володька просто так в опасность играть. Ничего не будет, конечно, но подготовиться надо.

II

Володя нырнул в дом ровно тогда, как Миха вешал на плечо короткий самострел. Прыгнул к окну, пригибаясь за подоконником, и прошипел, почти не оглянувшись.

– Пешим маршем, говоришь?!

Кузнец замер, непонимающе всматриваясь в пустую площадь, и приготовился было ответить на обидный тон, как тут услышал сам, еще раз невольно сравнив свой слух со слухом напарника. В воздухе, нарастая с каждой секундой, рождалось рычание автомобильного двигателя. Владимир сдвинулся в сторону, откидывая шляпу на спину, и приподнял арбалет. Миха взял сумку.

– Ты выходишь и встаешь тут, – негромко повторил Володя то, что они уже не один раз обсудили за время пребывания в деревне, – стоишь боком, сумку с плеча не снимаешь. Постарайся, что бы все, кто рядом, были мне видны. Обрез свой взведи и держи под рукой, чтоб сорвать легче было, и в случае чего...

На дорогу, подпрыгнув на ухабе, вылетела машина – открытый багги, оплетенный сверху каркасом труб и поручней. Рванулась, словно хотела спрыгнуть в кювет, выплонула из направленных в небо труб две полосы грязного дыма и, подняв стену желтой пыли, по главной улице понеслась мимо домиков. Мотор ревел, дребезжал и ругался, заглушая маты сидящих в машине людей. Володька обернулся, поднимая вверх три пальца и Миха кивнул. Багги прошел еще метров двадцать, вылетая на площадь, и резко затормозил, едва не врубившись в колодец. Поднятая в воздух пыль медленно оседала, покрывая машину и людей тонким желтым слоем.

– До колодца около двадцати шагов, – Володя не поворачивался, не спуская с прибывших глаз, – к ним не ходи, лучше пусть поближе подтянутся...

Мишка в последний раз кивнул, просовывая голову в ремень сумки, и неторопливо вышел из дома.

Люди выпрыгивали из машины, медленно, настороженно оглядываясь на окружающие площадь дома, заросли кустарников и высокую траву, оккупировавшую мертвую деревушку. Пыль, словно снег, продолжала оседать. Вот самый высокий из контрабандистов, тот, что сидел на запасном колесе, на самой корме, спрыгнул на землю, вынимая из машины одноствольную охотничью винтовку. Второй – лысый коренастый крепыш, уверенно вертел в руках подводное ружье. Злая дрянь – метровая железная стрела... Третий – водитель, весь затянутый в черную кожу, оставлять машину не торопился, так и не глуша мотор. Владимир собрался, до боли в пальцах сжав ложе арбалета. На площади, очень громко продираясь через кусты, появился Михаил.

Кузнец вышел, приветственно поднимая руку, и высокий помахал в ответ. Миха приблизился немного, словно ожидая, что ему пойдут навстречу, и замер, невольно поглядывая на позицию Владимира. Высокий что-то сказал лысому, положил ружье на плечо и неспешно направился к подземнику. Лысый же, с виду лениво, отошел к колодцу, и неожиданно для Владимира принялся разглядывать отпечатанные в пыли следы. Володька тихо матернулся. Крепко. Так, что умей он убивать словом, как Светящиеся, лысый уже был бы испепелен.

Тем временем Миха и высокий контрабандист встретились. Встали боком к дому, начали говорить. Метров пятнадцать, а то и меньше. Владимир чуть отодвинулся, готовый мгновенно вскинуть в окно арбалет.

И тут понял, что в доме еще кто-то есть...

Прыгнул в сторону, сбивая оставленный Мишкой у окна стул, и начал разворачиваться, как тут за спиной лязгнуло. Глухо зазвенела тетива и в следующий момент Володя понял, что его разворачивает уже в другую сторону. Сорок сантиметров арбалетного болта пригвоздили ногу к стене, а стрелок внезапно подскочил, дважды ударив ногой. Один раз в арбалет Владимира, выбивая из руки, а второй раз в грудь, заставляя упасть и задохнуться. Упал, обеими руками вцепившись в пробитое бедро, и жадно начал глотать гнилую деревянную пыль. Перед глазами возникли массивные подошвы армейских ботинок, потом его подняли за ворот куртки и посадили, прислоняя к стене.

– Юрик! – взявший его человек высунулся в окно, рукой давая отмашку высокому. – Готово!

Тот кивнул, очень-очень холодно улыбнулся и снова перевел взгляд на окаменевшего кузнеца, заглядывающего в ствол его ружья.

– Отлично, Зуб, тащи его сюда, – Юрик не отводил взгляда от темных глаз кузнеца, – а ты, коротышка, осторожно сбрось с плеча свою берданку...

Михаил повиновался, слушая, как валится в пыль его ружье. Арбалетный выстрел, короткий вскрик Владимира, направленный в лицо ствол – бред какой-то... И все же было в предавших контрабандистах что-то такое, что заставляло уважать даже под дулом. Что-то, чего Миха сколько в себе искал, найти не мог. И даже в Володьке... Что-то звериное, властное. Связался с псами, готовясь к укусам, как говорил отец. Были конечно руки, которыми можно любого из этих порвать на половинки, было искусство, которому дед еще обучал, чтоб медведей пещерных с одной палкой валить, да и нож все еще оттягивал пояс, но... Был Володька в доме, были несколько бандитских стволов и главное – они не боялись. Ничего. Совершенно. А это означало, что даже убив Юрика, он бы ничего не добился.

Зуб, забросив за спину арбалет Владимира и перезарядив свой, покидать дом не торопился. Тщательно, с большим знанием дела он перевернул все вещи напарников, вскрыл пакеты, сумки и бурдюки, откинул лежаки и только после этого повернулся к Владимиру, все так и сидевшему у окна.

– Где? – коротко спросил он, заставляя рейнджера оторвать взгляд от арбалета – не походного, с каким он уже пять лет гоняет, а настоящего, боевого, с педалями и тремя режимами натяга при стрельбе. В него дали с самого слабого, а то могло и ногу оторвать...

– Засунь свой нос себе в зад и глубоко-глубоко вдохни, гнида...

Миха, отконвоированный к машине, услышал, как в доме кого-то пинают. Юрик обернулся, хмуря брови, и повелительно махнул лысому.

– Слышь, Толчок, глянь-ка пойдя. Не дай Бог этот урод его пришибет... рановато, – добавил он, поворачиваясь к кузнецу. Подмигнул, – да, Мих? Небось, не ожидал?

Лысый мигом исчез. Водитель, затянутый в черное, наконец заглушил мотор, достал из-за ремней кожаного шлема сигарету и неторопливо закурил. Юрик прислонил ружье к колесу и вплотную подошел к подземнику, натурально нависая над ним. Протянул руку, вынул нож кузнеца, осмотрел, понимающе поцокав языком, и спокойно вложил обратно. Облокотился на машину.

– Ну, гномик, и где товар?

Миха отодвинулся, готовый в любую секунду запустить руку за отворот куртки, и так же спокойно взглянул на Юрика.

– Сначала покажи деньги и прикажи своим людям отпустить моего напарника... Не порусски это ты поступил, Юрик... Как бы потом не пожалеть.

Контрабандист улыбнулся. Одними губами, тонкими и бескровными.

– Мы с тобой, кузнец, больше не работаем, ясно? Наверное, да... А если ты еще не до конца понял ситуацию в меру своего тугодумия и недалёковидности, то я могу приказывать сейчас вздернуть твоего дружка на колодезном лебеде. После чего ты все равно отдашь мне мое.

Говорили, как старые товарищи. Спокойно, без надрыва. Словно не обезоружил только что один второго, и не избивали в соседнем доме рейнджера. Просто поболтать приехали.

– А если пикнешь потом в этих местах об этом, то я и тебя вздерну, Миш, – добавил Юрик и обернулся к водиле. – Слышь, Серега, дай чипироску, а ты открывай суму...

В этот момент Миха быстро отступил на шаг и достал из-за пазухи гранату. А еще через мгновение, когда Юрик поворачивался обратно, Зуб и Толчок вышвырнули из высокой травы на площадь избитого, окровавленного и потерявшего сознание рейнджера. На какую-то секунду, но лицо Юрика перекосилось, как только его взгляд упал на зажатый в широченной ладони овал гранаты. Потом в глаза вернулся холод, он спокойно зажал сигарету в зубах и посмотрел на Владимира. За прошедшую секунду рейнджера поставили на колени, а к его голове был прижат гарпун.

– Огонь есть? – спросил Юрик.

– Прикажи отпустить его! – Миха старался подражать бандиту в спокойствии, но понимал, что голос все равно дрожит.

– Чего? – вроде как не расслышал Юрик. Вынул из губ сигарету, отложил на край машины и легко подхватил ружье, взводя курок. – Его отпустить?

А затем он мотнул головой в сторону и стремительно прицелился в раненого, разворачиваясь на месте. Толчок и Зуб шарахнулись в стороны, рот кузнеца открылся в так и не вылетевшем крике, а Юрик выстрелил. Даже не посмотрев, как валится в пыль тело рейнджера с пробитой головой, контрабандист повернулся обратно к кузнецу.

– Ты это имел в виду? – переломил ружье, выдергивая гильзу.

Это сон, наверное, подумал Миха. Вот сейчас проснусь у себя в комнатах, умоюсь, и в кузню, а там ребята подтянутся, новую решетку для шахт делать начнем... Просто страшный сон, в котором так вот быстро и совершенно недраматично убили одного из друзей. Но сон не уходил. Он стоял напротив, высокий и злой, и прикуривал от протянутой водителем спички.

Миха бросил короткий взгляд на Толчка с Зубом, которые уже присели над убитым напарником, прикинул расстояние до ближайших кустов и большим пальцем выбил чеку.

Сигарета, выроненная изо рта Юрика, медленно переворачиваясь, упала в желтую пыль.

Со всех своих коротких ног Миха ринулся бежать, вот-вот ожидая взрыва. Метнулись от машины водитель и Юрик, Толчок неожиданно поднял голову, упустив из рук нож Владимира, тотчас же подхваченный Зубом, а граната зазвенела по сиденьям и провалилась на дно салона.

Шаг, другой, третий. Отсчет секунд, сжатые зубы и ожидание ударной волны в спину, да приближающиеся кусты. А потом оглушительный выстрел – просто предупредительный в землю у ног, и снова тишина, хозяйничающая над заброшенной деревней. Миха отшатнулся и упал, взметнув облако пыли, замер, все еще ожидая, что вот сейчас рванет... Повернулся и сел, отряхивая лицо.

Водитель стоял рядом с багги, сокрушенно качая головой и вертя в руках неразорвавшуюся гранату. Юрик перезаряжал ружье, а к кузнецу неторопливо направлялся Зуб. Вот тебе и дедушкино наследство... Контрабандист подошел, за рукав куртки рывком поднимая на ноги, и замахнулся.

– Погодь, Зубастый, – Юрик вернулся к машине, принимая из рук водителя гранату, – не со зла он...

Подгоняемый чувствительными толчками Зуба, Миха подошел обратно к багги.

– Ну, Михаил, – высокий отложил гранату, – чем еще порадуешь?

Над ухом шелкнул раскрывающийся нож и Миха почувствовал, как ослабевает ремень Володькиной сумки. Дернулся, спохватившись, но тут же получил предупредительный тычок арбалетом в спину и опустил руку. Зуб перебросил сумку командиру. Из дома, волоча скатанные в единый тюк спальные мешки и сумки, появился лысый.

– Тут патронов немного и аптечка неплохая, – отрапортовал он, валя добычу в пыль у колес. Юрик кивнул, не отрывая взгляда от потертой сумки, и осторожно расстегнул замок.

– Я надеюсь, обойдемся без фокусов, кузнец?

Михаил не ответил. Стоял, опустил глаза, и старался не обращать внимания на упершийся в шею наконечник арбалетной стрелы. Юрик присвистнул, быстренько перевернув небогатое содержимое сумки, и отбросил ее в машину, оставив в руке черный прямоугольный футляр. Толщина в три пальца, углы скруглены, потертый такой, с остатками странных надписей – Юрик восторженно посмотрел на подземника и улыбнулся.

– Откуда?

– С юга, – неохотно ответил Миха, все еще не поднимая глаз.

– Кузбасс, Алтай?

– А ты у рейнджера моего спроси, – чуть более громко сказал подземник, мотнув головой в сторону убитого Владимира, – он принес...

– Ты мне погрызайся, шавка, – Юрик снова надвинулся вплотную, – больше скажешь – дольше проживешь, Мишка! Это из шахт?

– Насколько я знаю, да...

– Ну, дела! – Юрик приподнял футляр в руке, давая своим людям рассмотреть матовую пластиковую крышку, – вы понимаете, ребята, сколько это будет стоить в Энске? – ребята не ответили и только Толчок неожиданно загоготал. Юрик снова вернул внимание к пленному. – Что еще знаешь?!

– Мало, – честно сознался Миха, разглядывая кожаную куртку контрабандиста. Цепи, нашивки, значки и зубы животных, а сама кожа – настоящая броня, – говорил, принести непросто было. Земли там недобрые, уходил быстро...

– Отродьев видел?

– Видел. Много. Почитай, прямо оттуда и принес.

– А он не Светится? – неожиданно подал голос водитель, озираясь со своего места.

– А хоть бы и Светился, – Юрик всмотрелся в надписи, но ничего понять не смог, – или ты, Серега за такую кучу денег немного поболеть откажешься? – тот неопределенно хмыкнул, но возражать не стал. – Да пусть это хоть самими отродьями и сделано... Денег сейчас такие вещи в Городе стоят...

На лице контрабандиста появилось мечтательное выражение.

– Слушай, Юрик, – неожиданно подался вперед Миха, – а сколько ты действительно за эту штуку заплатить готов был? – высокий посмотрел на подземника, опять растянул мертвые губы в ухмылке.

– Ты что, серьезно подумал, что у меня столько денег есть, карлик? Ну ты шутканул... Не собирался я ее у тебя покупать, – бережно положив футляр обратно в сумку, Юрик перемотал ее срезанным ремнем и убрал под сиденье машины. – Ну, ладушки, ребята. Будем, пожалуй, и в обратный путь собираться...

Миха напрягся, поймав взгляд Толчка, уже одетого в повидавшую виды портупею Владимира, и невольно потянулся к собственному ножу.

– А с коротышкой что делать? – лысый приподнял заряженный гарпун. Юрик сморщился, уже поставив одну ногу на борт, и неохотно обернулся.

– Да отпусти ты его, Толчок... С такими бабками мы теперь навряд ли вообще свидимся, – он подмигнул неподвижно стоящему у машины кузнецу, – бывай, Миха, да лихом не поминай... А если что, то давай с нами двигай, все жизнь интереснее...

И тут Миха почувствовал, с огромным трудом отогнав подступившую было слабость, что почти готов был согласиться на предложение. Стиснул зубы, спокойно выдержав бесцветный взгляд контрабандиста, и отшагнул в сторону. Тот хмыкнул, кивнул.

– Самопал оставьте, да пару патронов, – распорядился Юрик, – а потом по машинам...

– Покиньте транспортное средство и осторожно сложите оружие на землю, – негромко, но отчетливо донеслось с другого конца площади, где дорога, протыкая деревню, убегала к реке. Все замерли и как один невольно обернулись на голос.

III

– Я сказал, вон из машины и оружие на землю, – немного громче и со звенящим в голосе металлом.

Юрик, так в машину и не запрыгнувший, слез обратно, оглядываясь на кузнеца.

– Я же просил без фокусов, коротышка...

– Это не со мной, – только и нашелся ответить Миха, невольно делая несколько шагов в сторону, чтобы выйти из-за колодца и рассмотреть говорившего.

– Не с тобой? – как-то раздосадовано повторил Юрик, тоже обходя колодец. – Тогда, скажи пожалуйста, что это за хрен с горы?!

Толчок, осторожно сместившийся за машину, и поднявший взведенный арбалет Зуб приготвилились к бою. Рука водителя легла на ключ, готовая в любую секунду оживить мотор. Юрик прищурился, рассматривая стоящего на краю площади человека, и если бы Миха сейчас стоял не за его спиной, он бы сильно удивился, наблюдая, как расширились в ужасе глаза отчаянного контрабандиста. Но Миха не видел глаз, он тоже смотрел на неожиданно появившегося в игре смельчака.

Высокие, похожие на армейский образец, но покрытые странным красным узором, различимым даже отсюда, ботинки. Черные матовые штаны, ремешки, карманы. Прямо на простую, синего цвета рубаху без ворота, доходящую человеку до колен, был одет черный короткий бронежилет, из-под которого выглядывал широченный кожаный пояс, усыпанный серебряными бляхами. На груди, сверкая на темном фоне доспеха, шейная гривна, похоже золотая, и несколько амулетов на кожаных шнурках. Пояс оттягивали под сумки с оружием, магазинами, нож с костяной рукояткой, несколько кошель, кожаная фляга и... Миха обмер, вначале не веря своим глазам. На левом бедре незнакомца висел меч. Не мачете, не тесак, которые так любят бродяжники, а самый настоящий меч в красных ножнах.

Рукава рубахи перехвачены в запястьях несколькими браслетами темно-оранжевого металла, на черных перчатках срезаны пальцы. Голову украшает немного неуместная в конце июля синяя суконная шапка с узкой меховой оторочкой, лихо сдвинутая на затылок. А на спине, наброшенный через левое плечо и под правой рукой, плащ – шкура бурого медведя, цельная, с когтями и головой, застегнутая на плече массивной бронзовой фибулой. На меховом плаще за спиной, свисая ниже пояса, покоится автомат. Сам же человек...

Миха видел больших людей, конечно. Был на ярмарках в Юрге, да Зеленом Мысу пару раз, приходили купцы и приключенцы, что могли руками отродье заломать, но чтобы к огромному росту и недюжей ширине плеч было примешано столько силы, смелости и презрения ко всему остальному миру... Мужчина был высок, широк в плечах и не менее широк в пузе; окладистая темная борода, усы и начинающаяся лысина там, где сдвинутая шапка позволила разглядеть. И уверенность. Способность пройти через всех этих контрабандистов, даже ножа не обнажив. И всех убить. Взглядом.

Здоровяк улыбался, добро, может только немного напряженно. Почти не поднимая на стоящих у колодца глаз, он продолжал чистить трубочку, привалившись плечом к старому забору. Дунул в нее, постучал о деревянные ножны, вытряхивая последнюю золу, неторопливо убрал в украшенный скрещенными топорами кошель.

– Ну? – спросил, поднимая глаза. – По-русски не понимаем?

Юрик что-то выдохнул, словно ему воздуха не хватало, рванулся к машине, протягивая руки к рулю, а из-за колодца уже вылетал целящий из арбалета Зубастый. Выстрел был

негромким, различимым только благодаря висящей над деревней тишине, а потом Зуб споткнулся, разбрызгивая в воздухе красный фонтанчик, отбросил арбалет и неуклюже завалился вперед, оставшись лежать в очень неудобной для живого позе. Остальные замерли, глазами кося по окружавшим площадь крышам. Снайпер...

– Повторяю в третий и последний раз... – но повторять незнакомцу не пришлось. Отбрасывая в пыль оружие, контрабандисты отходили от машины. Миха, заглянувший в посеревшее отчего-то лицо Юрика, приготовился было спросить, но тот ответил сам.

– Это северяне, коротышка... – сказал так, словно «северяне» – это не место жительства, а национальность. Миха нахмурился, разглядывая принявших внезапно обреченный вид бандитов, и нерешительно присоединился к ним.

Лишь после этого на площади появились остальные. И Миха понял, устыдившись, насколько жалким было недавнее чувство его зависти к контрабандистам и исходящей от них ложной силе.

Вышли еще четверо, с разных сторон площади медленно сходясь к колодцу. Миха бегло осмотрел приближающихся, одинакового покроя пеструю одежду, бронежилеты, зажатое в руках оружие, и горячо возблагодарил Бога за посланных на помощь военных. Но стоило им приблизиться, окружив пленных, как кузнец неожиданно осознал, что ошибся.

Единственным совершенно одинаковым в этих воинах были, как ни странно, покрытые причудливым узором ботинки. Да еще бронежилеты, пожалуй. И лица, словно изнутри светящиеся силой и властью. Мечи на поясах – короткие, сантиметров по шестьдесят, но даже одного взгляда кузнеца хватило, чтобы оценить качество работы... Толком разглядеть окруживших людей Михе не дал воин в плаще из медведя, заставивший бандитов Юрика сложить оружие. Приблизившись к кучкой столпившимся контрабандистам, все еще с тоской поглядывающим на мертвого Зуба, он громко сказал:

– Меня зовут Рёрик, и моим отцом был Свейн. Я из Раумсдаля и ярлом хожу под нашим конунгом Торбрандом, что правит в Ульвборге. Это мои люди, – он обвел рукой остальных воинов, – и теперь я хочу знать, кто вы такие.

Молчание, охватившее до того столь разговорчивых контрабандистов, ответило за них. Затем один из опоясанных мечом – высокий и худой, словно с выточенным из потемневшего дерева узким выбритым лицом, тряхнул головой, отбрасывая с лица черные косы, свисающие с висков. Совершенно неторопливо отошел, склоняясь над мертвым Зубом. Присел, опуская снайперскую винтовку прикладом в пыль, и левой рукой перевернул тело. Рёрик, нахмутив брови и согнав с лица даже подобие улыбки, ткнул в Юрика пальцем.

– Ты кто?

– Я? – тот оглянулся, словно рассчитывал спрятаться за Мишкину спину. – Меня Юрой называют...

– Юрой? – медвежий плащ невольно ухмыльнулся. – А родом ты откуда? А папа у тебя был?

Контрабандист молчал, загнанный простейшими вопросами северянина в самый глубокий и узкий тупик.

– Наверное был... А родом я из Довольного.

– Твои люди? – Рёрик кивнул на остальных и Юрик утвердительно мотнул головой. – А сам-то чей будешь?

– Да вроде бы ничей... – совершил самую страшную ошибку в своей жизни Юрик, – тут торгуем, там охраняем. Так и живем.

На лицах окружавших их воинов неожиданно родились улыбки.

– Ничей, говоришь? – по-отечески поинтересовался Рёрик. – Ну тогда, Хельги, давай ошейники.

Никто ничего еще не понял, когда стоящий по левую руку от Рёрика рослый молодой парень в темно-красном суконном плаще, застегнутом так же, как у ярла, перебросил автомат через плечо и ловким отработанным движением отстегнул от пояса четыре узких кожаных ремешка. Только Толчок странно дернулся, навалившись случайно на стоящего рядом подземника, и затих. Хельги шагнул вперед, демонстративно расстегивая первый ошейник, когда Миха неожиданно осознал, что если в молчании пройдет еще хоть одна секунда, его навсегда заклеят в контрабандисты.

– Погодите! – он шагнул вперед, взглядом натываясь на непонимающий взгляд рослого Хельги. Северяне, высокие, словно на подбор, казались сейчас едва ли не великанами. – Я могу все объяснить!

Хельги замер, а Рёрик понимающе развел ладони – объясняй, мол.

– Я не с ними, уважаемые. Дело в том, что здесь произошла... должна была произойти, точнее, деловая встреча и...

– А ты кто такой?! – неожиданно грозно перебил его Рёрик, придвигаясь ближе. – Шкуру спасаешь?

– Я Михаил, Жаров фамилия, я кузнец из Убежища-45, а вон там мой убитый напарник, Владимир...

– Твой человек? – снова обратился к Юрику воин в медвежьем плаще. И тот неожиданно кивнул.

– Мой! – и покосился на кузнеца. – Да ладно, Миха, чего уж там на попятные...

Миха почувствовал, как краска бьет в лицо и сжимаются кулаки, но в это мгновение из-за машины вернулся сваливший Зуба снайпер. Шел неторопливо, вертя в руках флягу, еще полчаса назад бывшую Володькиной, и совершенно не успел разглядеть метнувшегося к багги Толчка. Стайку контрабандистов словно разметало ветром, когда выхвативший нож Юрий метнулся налево к странному дому без крыши. Водитель молча поднял руки, отходя на пару шагов, Миха чуть не упал, едва не сбитый лысым, а последний уже подхватывал с земли гарпун.

Странные воины расступились, вскидывая оружие, и только застигнутый врасплох снайпер остался на месте. Толчок вскинул оружие, присаживаясь за бампер, северяне меняли позиции, чтобы не зацепить своего, а Миха понял, что тот уже не успеет. Ринулся вперед, как-то еще успев в прыжке удивиться, что снайпер все-таки неуловимым для глаза образом сместился, и что есть мочи ударил того в корпус, своим весом роняя под машину. Толчок еще целился, потом в его грудь ударили с двух стволов, но он уже топил широкую панель спускового крючка. Миха попытался встать, осознав, что буквально придавил снайпера к земле, успел немного повернуть голову и тут метровая железная молния ударила в правое плечо, прошибая насквозь.

Боль оглушила, придавила обратно в пыль, а мощнейший удар едва не зашвырнул под высокую машину. Потом пульс железа внутри плеча, толчки убегающей крови и далекие голоса, словно его положили на дно глубокой ямы, над которой говорят люди.

Далеко-далеко, будто бы над головой... Вот водитель Юрика, позволяющий послушно застегнуть на своей шее ошейник. Вот сам главарь контрабандистов, сидящий на коленях и пытающийся передавить хлещущую из правого предплечья кровь. А вот тело снайпера, все еще прижатое к земле. Глаза, словно два огромных лесных пожара. Звериные.

Встать не получалось, что-то держало, зацепив, и с каждым движением кузнеца стояли оба. Вот их осторожно вынули из-под машины, вот над ними склонился Рёрик, внимательно разглядывая сковавший обоих гарпун. Нагнулся, пальцами ощупывая рану своего, даже не обратив внимания на рану кузнеца, подозревал одного из стоящих рядом.

– Хальвдан, – большой и ленивый, словно ходячий енот, подошел автоматчик, – кусачки, аптечку, водку.

Тот кивнул, не преминув добавить пинка мертвому Толчку, и скрылся из поля зрения.

– Орм, – Рёрик склонился еще ниже, – что задето? – тот немного помолчал, задумчиво скосив глаза в сторону, и скривил губу.

– Говно вопрос, ярл, просто пришилило в левое плечо. И дверга этого с меня снимите, а? Миха стиснул зубы. Вот значит, какой благодарностью платят эти люди за спасение?

Подошел Хальвдан, присел, откладывая оружие и сдвигая подальше за спину меч.

– Орм, слышишь? Сейчас будет щекотно, а потом смешно, – он улыбнулся, добродушно и тепло, и просунул в щель между лежащими человеком и подземником широкие кусачки, – скажи «мясо»!

Кусачки шелкнули, с натугой переламывая прут, и Миха едва не потерял сознание. Плечо, руку и всю правую половину загло адским огнем, обломок словно живой зашевелился в ране, а потом его довольно бесцеремонно сняли с раненого северянина. Посадили к машине. Забыли.

Даже сквозь сокрушающую боль, какую Миха не испытывал еще ни при одном ранении, кузнец смог оценить, как слаженно и быстро работают эти странные люди. Хельги, старательно очистив меч о штанину Юрика, деловито обшарил его одежду, наскоро перетянул рану жгутом и одел ошейник. Водитель, уже красуясь полосой клепаной кожи на шее, смиренно сидел у колодца. Затем обыскали трупы, стаскали их к машине. Перетрясли вещи, выложив самое целое и нужное на землю, и начали сливать бензин. В это же время Рёрик и Хальвдан быстро и профессионально вынули обломок гарпуна, обработали рану Орма, наложили тампон и, убрав аптечку, протянули раненому флягу. Тот резко выдохнул, приподнял флягу в сторону ярла и приложился, делая несколько глотков. Потом набрал в рот, изогнул длинную шею, морщась от боли, и водкой сплюнул на рану.

– На вот, – заботливо протянул подожженную сигарету Рёрик, и Орм благодарно затаился. Хальвдан обернулся на кузнеца.

– А с двергом что? – ярл скосил глаза.

– Кузнец, говоришь? Глянь-ка, может выживет? – Хальвдан буквально одним пальцем прикоснулся к пульсирующей ране подземника и утвердительно кивнул головой. – Ну дай тогда и ему глотнуть...

Левой, почти не слушающейся рукой Миха принял жестяную флягу. Хотел что-то сказать, но только облизнул пересохшие губы, глотнул, впуская в себя обжигающий напиток, потом набрал еще глоток и тоже сплюнул на рану. Рёрик, Хальвдан и даже Орм невольно хохотнули, переглядываясь между собой.

– Правду говоришь, что не с ними? – Миша поднял глаза на грозного ярла и кивнул. Тот задумчиво покачал головой. – Ну тогда за тобой рассказ. Документы из Убежища есть?

Пока Хельги и еще один, пятый, имени которого Миха пока не знал, северянин снимали с багги мотор, Рёрик задумчиво разглядывал заляпанный кровью паспорт кузнеца. Пожевал губу, огладил бороду.

– Тебя тоже забираем, Михаил, – он бросил паспорт Хальвдану, – такие нам нужны...

– Мой ярл, – Хельги, перебиравший вещи контрабандистов и кузнеца, поднял в руке сумку Владимира, – тебе стоит посмотреть.

Рёрик взял, заглянул внутрь и с довольной улыбкой достал на дневной свет черный футляр.

– На север и в горы! – выдохнул он. – Орм, ты глянь только!

Поставив ноутбук на борт машины, он открыл крышку.

– Это же из шахт! Вот так да! – он пощелкал по клавишам, краем глаза заметив отразившийся на лице Миши суеверный ужас. – Что, дверг, компьютера не видал никогда?

– Это... мое... – сумел выдохнуть Миша и Рёрик снова стал серьезен.

– Твое, говоришь? Откуда взял?

– Друг... принес. С юга.

– Ну, – протянул ярл, – тогда тебе точно с нами по пути, кузнец! Сейчас не напрягайся, потом расскажешь. Эй, Хальвдан, да выдерни ты наконец из коротышки этот прут!

Посмеялись, потом было очень больно, а позже, когда через пару минут Миха снова пришел в сознание, северяне вытаскивали из автомобильного мотора карбюратор. Трупы уже лежали в пустой машине.

– Хлёдвиг, – ярл передал ноутбук пятому, с глазами-щелочками убийцы, которые тот, казалось, никогда до конца не раскрывал, – как зеницу ока! – тот понятиливо кивнул, убирая компьютер в просторную поясную суму. – Хельги, что там у нас?

– Ружье, самострел, неплохой кстати, гарпун и два арбалета, несколько десятков стрел, двадцать патронов к ружью и шесть к самострелу. Учебная граната, ножи, денег немного, жратва позорная, вода тоже, самогона вот бутылка...

– Эт хорошо! – довольно крикнул ярл.

– ...бензина вышло литров двадцать, карбюратор, опять же, повезло найти. Ну и компьютер.

– Отлично! – подвел итог операции Рёрик. – Собираемся. Хельги, ты с трелями вперед, Хальвдан замковый. Хлёди, поможешь мне с ранеными, мы в центре. Двинули, раумы.

Завязанная в спальные мешки, добыча была бережно и логично распределена между рабами, после чего Хельги, связав их за ошейники единой длинной цепочкой, увел контрабандистов вперед. Миху и Орма подняли, поддерживая за здоровые плечи и осторожно повели следом, в сторону реки. Задержавшийся ненадолго Хальвдан выплеснул на обглоданную багги площадку бензина, чиркнул спичкой, и в зареве начинающегося костра покинул мертвую деревню.

IV

Потом пришел волк. И змей.

Светящаяся точка летала по идеальному кругу, все набирая скорость, догоняя собственный след и замыкая его в сверкающий круг. Разгоралась, наполняя границы круга четкостью, и начинала пульсировать, то удаляясь, то наплывая в упор. Потом круг начал колебаться, окружающая его тьма словно загустела, он навалился вперед и моргнул. Миха отшатнулся от огромного глаза, всматриваясь в вертикальный зрачок, в котором его собственное отражение в ужасе кривило лицо, и едва не упал, увязая в чем-то красном, тягучем и липком.

Глаз еще раз моргнул, зрачок расширился, полностью заполняя окружающий мир, и по его краям начали стремительно расти светящиеся белые клыки. Вот круг-глаз резко завалился на бок и появившаяся на месте зрачка пасть ринулась на подземника, проглатывая целиком. Хлопнули зубы, зеркальный раздвоенный язык оплел по рукам и ногам. Холод, скорость, ветер.

Миха открыл глаза, стоя на равнине. Темно-бурая земля, по которой ледяной ветер судорожно разбрасывал поземку седой крупы, да спотыкающиеся друг об друга в низком небе черные тучи. Далеко-далеко на горизонте небо и земля врезаются один в другого, перемешиваясь и сливаясь без грани. Ветер прыгнул, подобно хищнику, и Миха понял, что не в силах справиться. Упал, обдирая кожу грубых ладоней о железную землю, попробовал встать.

Потом равнина завертелась, заставляя тучи плясать в безумном хороводе, а голову кузнеца кружиться. Миха поднялся, неожиданно осознав, что совершенно гол, и невольно прикрылся, повинаясь человеческому инстинкту. Взыл, отшатываясь сам от себя, и в диком ужасе закричал, поднимая к лицу правую руку. Точнее лапу, то ли медвежью, то ли волчью... Когти послушно сжимались в кулак, темно-серая шерсть шевелилась на ветру. Новый крик, беззвучный, словно на равнине совершенно отсутствовали звуки. Михаил повернулся, уже готовый бежать, и снова едва не упал.

За спиной, где еще секунду назад лежала мертвая промерзшая земля и более ничего, идолы. Четыре, может пять, страшные, крепкие, пристально разглядывающие подземника. По краям идолы поменьше – тотемы животных, старые костровища, зола, разметанная по земле и дорожки старой крови. Михаил попробовал взглянуться в лики деревянных исполинов, но неожиданно наступила темнота.

Шелест перьев был оглушительно громким, закружил, словно ураган и отпрыгнул. Крыло, невероятно большое, с целыми лесинами перьев, иссиня-черное. Ударило, уронив в пропасть, и рванулось прочь, поднимая в воздух гигантского ворона. Смерч завертел подземника, швырнул вверх, вслед за улетающей птицей, потом вниз, и через миг над головой оглушенного кузнеца сомкнулись ледяные волны.

Страх утопил моментально. Чужой для воды, враг ее с самого далекого рождения, возвращенный под землей, он просто был парализован, отчетливо и ясно наблюдая за смыкающимися над головой прозрачными тяжелыми накатами волн. Тело уже умерло, а мозг из последних сил разглядывал запретную и завораживающую картину. Потом снова тьма, тень и проблески далекого солнца над волнами, над уходящей вдаль поверхностью. И снова тень, непрерывное кружение колец и переливы искаженных лучей на чешуйчатом боку. Вода подхватила, прижимая к вертящемуся в серпантине собственного тела зверю, и Миха в очередной раз умер от страха. Лопнуло сердце, отказывался работать мозг, пульс сорвался на безумно высокой ноте и больше не слушались руки. Он тонул, все плотнее и плотнее сжимаемый кольцами огромного, невероятно огромного змея, хозяина подводных просторов. Змеиный глаз, надвигающийся из мутной дали, холодный и до беспощадности мудрый. Круг вечности в зрачке твари.

Больше не спать.

– Я спрашиваю, ты вообще жив? – похоже, вопрос был задан не первый раз и Миха отчаянно напрягся, в прямом смысле выныривая из ледяных просторов сна. Воин с вечным прищуром сидел рядом на корточках, протягивая кузнецу бурдюк. Увидел, как просыпается дверг, кивнул. – Жив... А то как-то непохоже было даже. Ладно, дядька, глотни, а то рванешь в Хель раньше нужного.

Миха машинально забрал у Хлэдвага бурдюк и благодарно кивнул. Просто сон. Тяжело вздохнул, разжимая пересохшие губы, и отпил холодного несладкого чая. Отдал, слушая нарастающую в раненом плече боль. Сон окончательно отступил, отдав место реальности – низкому прохладному трюму, заставленному ящиками и мешками, плеску воды и мерному вою мотора. Кузнец хрустнул затекшей шеей и привстал, облачаясь на стену.

– Как рана?

– Нормально, – мужественно ответил Миха, о чем через минуту пожалел, но северянин уже удовлетворенно кивал и отходил в сторону, занятый другими делами.

Бред возвращался, спокойный и до безобразия настоящий. Может, лучше было и не просыпаться? Нет, Миха не боялся, просто не было еще времени. Происходящее с ним в течение последних полусуток не напугало – столь необычным и стремительным все это было для подземника кузнеца. Предательство контрабандистов, нелепая смерть Владимира, появление северян, этот корабль со странным именем... Не было страха, было непонимание, стремление догнать ускользающую от него ситуацию и как раз тот самый оттенок нереальности, позволяющий за секунды до смерти все еще разглядывать красивейшие глаза Светящегося. Миха сел на покрытой грязной соломой лежанке, разглядывая, как Хлэдваг поит остальных пленных, в отличие от него, подземника, хорошо связанных.

Еще было ощущение чего-то важного, но, как и многое в жизни Михи, в данный момент убежавшего, чтобы явиться для понимания несколько позже. Чего-то такого необъяснимого, навалившегося, словно... первая любовь или первое убийство. Что-то, что навсегда изменяет жизнь, уже никогда не позволив тебе даже на секунду быть прежним. В данной ситуации для кузнеца это больше всего было похоже на очередное пробуждение ото сна во все еще про-

должающемся сне. Он смотрел на странного воина со странным именем, странно говорящего и странно одетого, и понимал, что возможно более никогда уже не увидит родную кузню в далеком Убежище и милая девушка Люда может так и не дожидаться его предложения к свадьбе.

Больше не было кузнеца, возвращающегося вечером после работы домой и обсуждающего с мэром Убежища повышение заработной платы. Был Миха, пробитый гарпуном контрабандистов на пыльной площади забытого Богом местечка, не обозначенного даже на старинных картах. Был перелом. После которого рушатся клетки, выбрасывая еще неокрепших птенцов в синее небо. Ибо в клетке окрепнуть нельзя никогда. И вроде тридцать лет прожито, вроде повидал немало, мудрости понабрался, а только глаза открывались все шире, заглядывая за грань привычного, где река изгибалась, открывая взору...

– Если захочешь есть или перевязать рану, скажешь, – Хлёдвиг снова был рядом, обращаясь к погруженному в раздумья двергу, – я буду наверху у входа.

– Хлёдвиг! – от волнения сломал имя воина Миха, и тот сморщился, оборачиваясь на зов. Кузнец прочистил горло, вкладывая в вопрос все свое желание познать. – Кто вы такие?

Воин рассмеялся, хрипло и негромко, почесывая рукой заросшую щетиной щеку.

– Все, что тебе сейчас полагается знать, дверг, так это лишь то, что Хеймдалль поделил людей на ярлов, карлов и трэлей, а ты ведешь свою линию от низших, рожденных служить. Береги себя, коротышка... – и Хлёдвиг ушел, погрузив Миху в еще более темную и беспредельную пучину непонимания.

Кузнец сел, чувствуя, как корабль, на который их после недолгого марша к реке погрузили северяне, делает поворот, и силой отогнал мысли о воде, окружавшей его сейчас, словно в недавнем сне. Поморщился, притрагиваясь к пылающей ране, и вдруг заметил, что на него из дальнего угла трюма смотрит Юрик.

– Ты что, подземник, действительно никогда не слышал о северянах?!

Миха пожал целым плечом. Откуда в шахтах и коридорах Убежища услышишь многое? Та часть людей, что ушла под землю еще после Третьей войны вообще держалась особняком, ограничив контакты с Поверхностью, стараясь фильтровать собственные чистые гены и кровь даже по прошествию многих лет. Это стало стилем существования. Это стало тем, что превратило людей в подземников. А тут вдруг!

Странные люди, словно и не русские вовсе, причудливые просторные разноцветные рубахи до колен или середины бедра, как будто старинные, кожаные пояса и перевязи, плащи, каких уж и не носят поди, шкуры медвежьи да волчьи, и мечи. А еще браслеты, не современные, а словно из древних курганов откопанные, амулеты разные, обереги, когти. Миха так и слышал сейчас сквозь плеск воды поскрипывание ремней Рёрика, помогавшего ему идти из деревни к реке, тихий звон литого молоточка на груди о сковывавшую медвежий плащ фибулу, и запах шкуры, перемешанный с запахом ружейной смазки.

– Нет, – просто ответил он, – а ты знаешь?

– Знаю, – прошипел Юрик, бережно притягивая к себе пробитую клинком руку, – знаю... Знаю то, что теперь не жилец ни один из нас, подземник. Ни ты, ни я, ни Серега. Теперь ты больше не Миха кузнец. Теперь ты трэль, раб по-ихнему, пойманный, чтобы им служить. Тебя не станут бить, тебя не станут морить голодом, просто ты будешь жить в этой их северной крепости, работать на них, а через пару лет смиришься, на самом деле поверив, что какой-то их там Хундаль родил тебя рабом!

Много горечи было в словах Юрика и от Михи это не укрылось. Запомнилось.

– А мы, – продолжил контрабандист, – если пользы не принесем, на корм рыбам... Или в жертву, – при этих словах даже отрешенный Серега шевельнулся, – они ведь, уроды эти с севера, зверям своим священным да Богам жертвы приносят. А потом их же и съедают... Витинги сраные!

Викинги! Мишу словно ударило кузнечным молотом, аж подбрасывая на лежанке. Так вот кто эти люди! Мозг заработал, вылавливая почти забытые, затертые воспоминания из мешанины прожитых лет. Он ведь читал, проходил в обязательной школе Убежища еще на работавших тогда компьютерах, старых и громоздких, курсы по истории. Читал закатанные в полиэтилен книжки, смотрел видеофильмы о раскопках в северных странах. Так же, как и все мальчишки в классе пытался представить, что это такое – океан, по которому так страшно и необходимо идти несколько дней на хрупком корабле, так же восхищался воинами древности, так же отчаянно играл в них... А может правда, бред? В сердце Сибири, в конце двадцать второго века – викинги? Миша невольно замотал головой, словно пытаясь отогнать наваждение.

Что он помнит? Они поклоняются жестоким Богам, которых много... Грабить любят... хотя в любое время кто этого не любит?... потом смелые очень, мореходы. Было время – очень давно, еще до Третьей Мировой войны, когда они держали в страхе всю Европу и даже доходили до Америки, мир ее праху. Ну, примитивные очень, простые такие, вещи красивые делали, оружие разное, хоронили их интересно – в огне на собственных кораблях. Еще воины были у них такие, для оружия неуязвимые, которые, как говорила учительница, подобно Светящимся всякой дряни нажгутся, а потом своих не помнят... И все. Объемный и полный экскурс в историю. Миша вздохнул, бросив взгляд в сторону прикрытого люка, ведущего на палубу.

– Куда нас везут? – кузнец услышал, как его собственные слова прилетают будто издалека.

– В Волчью Крепость, за Ташару, на Камень, – словно сплюнул Юрик, – сидели бы и сидели у себя на севере, в своей земле, куда нормальный по своей воле не пойдет, мудилы, так ведь правду говорят – раз в несколько лет выходят по рекам добром да людьми поживиться!.. Ну это ж надо, к северянам загнать?! – казалось, Юрик сейчас завоет. – Это все ты, карлик! Из-за тебя все так пошло, гнида... – он смолк, отвернувшись к туго набитым мешкам, – теперь конец. А тебе, крот, и вовсе туго – таких они за людей тем более, чем мы, не считают. Ты для них карлик – жалкий дверг...

Миша хотел еще что-то сказать, возразить, но неожиданно новая волна боли ударила в плечо, словно раскаленный прут в рану вогнали, и он повалился на солому. Юрик усмехнулся, краем глаза разглядывая мучения подземника. Навалились наполняющие низкий трюм запахи – машинное масло, бензин, соляра, сено, порох, кровь, пшено, сушеное мясо, водка, хмель, грибы, кожа – словно прыгающие один за другим кадры фильма. Потом пришли звуки – шелест воды о жестяной борт скоростного корабля на водных крыльях, возня крыс за ящиками, негромкий лязг разбираемого для смазки автомата, шаги по пластику палубы и щелканье клавиш управления в рулевой кабине. Слова, тихие, но отчего-то отлично различимые.

– Говорю тебе, он не спал...

– Потеря сознания?

– А ты посмотри, как его разворотило!

– Десять часов еще не показатель, – это, кажется, Рёрик.

– Ты можешь себе представить, что скажет Торбранд? – а это Хлёдвиг.

– Мы не можем пока знать наверняка... – Миша наяву увидел, как ярл задумчиво качает головой, – кроме того, в конечном итоге, если это подтвердится, решать все равно будет не он... Орм, ты слышишь?

– Да, – голос раненого викинга, стоящего на управлении кораблем, – я понимаю.

– Клянусь Мьйольниром, но такого в Раумсдале еще не бывало! – Рёрик отложил собранный автомат и достал трубочку, наполнив палубу запахами табака. – Великие Норны...

Потом пришла волна света, ударила по глазам, как будто наполняя трюм заревом, и отступила, неожиданно оставляя в мгновенно прояснившейся голове имя. Скидбладнир – имя кораблю. Куда бы не шел Выстроенный Из Тонких Дошечек, всегда попутный ветер будет бить в его парус... Миша вздрогнул, приподнимаясь. Откуда он это знал?

– Он действительно кузнец? – голос принадлежал Хлёдвигу. – Если так, то слава Асам за столь славный подарок, клянусь Молотом!

– Это еще нужно проверить... – Рёрик немного попыхтел трубкой, – да, кстати... – воины неторопливо двинулись по палубе, послышался звук отодвигаемых ящиков, щелкнул замок. – Хлёди, а ну задай нашему двергу работенку. Проверим, как парень разбирается в механизмах...

Через мгновение Хлёдвиг вновь спустился в трюм, на этот раз сжимая в руке не флягу, а массивный многозарядный арбалет. Михаил почувствовал, как холодеют ладони. Северянин приблизился, снова опустил на короточки.

– На-ка, взгляни, – он протянул подземнику оружие, но тот не торопился тянуть руки навстречу. Обойма была разряжена, – это метатель Бьерна, доброе оружие, когда кончаются патроны... Ярл Рёрик взял его у славного воина в вик этого лета, но ненароком повредил механизм.

Всеми проклятиями обвиняя себя в невольной слабости, Михаил почувствовал, как профессиональный интерес медленно, но верно отодвигает в сторону страх и недоверие. Руки потянулись к арбалету, глаза жадно ощупывали механизм перезарядки. Хлёдвиг прищурился, разглядывая реакцию пленника. Осторожно, чтобы лишний раз не тревожить раненое плечо, Миха взял оружие на колени и тут же поднял глаза на северянина.

– Мне нужно сесть. Потом принесите кусачки, два гвоздя на десять, проволоки и побольше света... – Хлёдвиг кивнул и хищно улыбнулся.

А через четверть часа он уже поднимался на палубу, передавая ярлу исправленный метатель. Кузнец, все еще ощущавший в ладонях тепло возрожденного оружия, вновь остался в темноте. Рёрик что-то промышчал, зарядил, дважды вхолостую спустил тетиву и убрал арбалет обратно в сундук. Бьерн не будет сердиться. На грани слуха кузнец уловил, как они с Хлёдвигом коротко, но искренне вознесли хвалу своим страшным Богам. Дар их был действительно ценен.

Люк, ведущий наверх, был захлопнут и закрыт на задвижку. Усталость и мрак опять набросились на кузнеца, заставив умолкнуть даже ликующую гордость. Ощущая, как ядовито горит потревоженная рана, Миха вновь начал проваливаться в серый туман.

Двигатель корабля взревел, судно завалилось на правый борт, а с палубы понеслись радостные голоса северян – так люди во всех краях радуются, наконец-то подходя к знакомым, близким к дому местам. Через несколько часов нос Скидбладнира мягко ткнется в обитую резиновыми покрышками высокую пристань раумсдальской крепости, а с башни над речной гладью полетит протяжный, густой звук трубящего приветствие рога. Подтянувший колени к груди Юрик заскрежетал зубами и тихонечко взвыл.

V

После полутемного трюма утреннее солнце ударило по глазам резко и неприятно, заставляя жмуриться и искать тени. Рабов вывели на палубу тогда, когда прибывшие на корабле воины уже частично перебрались на пристань. Юрика и водителя, опять скованных воедино, Хальвдан без особых церемоний вытолкнул на подходящий прямо к высокому борту корабля пирс, далеко забегающий в реку. Кузнеца же лишь пригласили на выход.

Миха вышел, прислушиваясь к радостным приветствиям северян, и некоторое время постоял неподвижно, позволяя глазам привыкнуть к свету. Вечером их погрузили, ночь в пути, это значит, что сейчас где-то около девяти часов утра, не больше. Подземник осторожно прошел по узкому трапу, стараясь не смотреть на волны под ногами, и неуверенно ступил на ровные бревна причала. Высоко в утренней свежести надрывались птицы.

Широкоплечий воин, один из встречающих, с густой черной бородой на широком лице и очень короткими черными волосами, яростно хлопал Рёрика по затынку в шкуру плечам.

– Славься, Рёрик, тролли тебя задери! Здорово, дядька! Ух, мы вас уже потеряли. Еще позавчера ждали, так думали, пора еще одну ладью собирать! – Рёрик улыбался, отвечая на объятия не менее слабыми ударами по плечам встречающего.

– Поди, все пиво выхлебать успели, лишены?!

– Ну какое пиво, Рёрик? – чернобородый игриво потупил глаза. – Мы тут с горя и пить-то б-бросили.

– Знаю я, Атли, твое «пить бросили»! Опять глотку смочить нечем будет... Да, поди, и наложниц моих всех тут перепортили без меня!?

Говорили громко, чуть ли не нарочито кричали, радостно повышая друг на друга голоса. Миха неподвижно стоял в стороне, жадно и едва ли не в первый раз по нормальному разглядывая северян при дневном свете. У Атли такая же длинная коричневая рубаха, армейские штаны, пояс, кошель, нож с рукоятью из рога, сдвинутая на спину пистолетная кобура. Браслеты, стилизованный молоточек на груди, серебряный амулет рядом – три переплетенных трегольника. Только меча нет.

С Атли на пристань корабль пришли встречать еще двое. Высокий, стройный, даже худой, с вечной добродушной улыбкой на гладком молодом лице, и недлинными темно-рыжими волосами, непослушными под речным ветром. Золотое кольцо в левом ухе. Поверх ярко-зеленой рубахи на узком кожаном пояске висел меч в потертых ножнах. Ни кошель, ни ножа, ни амулетов. Такой, видать, человек. Второй же показался Михе поначалу выходцем из Убежищ, но потом присмотрелся – нет. Просто сутулый какой-то, собранный, словно силой удерживающий бушующий внутри себя огонь. И вроде невысок, не плечист, но Миха знал, насмотревшись еще у контрабандистов или рейнджеров – именно такие люди наиболее опасны в бою, когда до конца позволяют выплеснуться той самой силе, которую с огромным трудом хранят всю жизнь. Серые глаза смотрели цепко, оценивающе, отмечая, казалось, каждую мелочь. Стоял, сутулясь, в стороне и кутался в толстый суконный плащ мышиного цвета, словно озяб, да норвил спрятать под ним короткоствольную винтовку. Небритый, угрюмый, нелюдимый.

Рёрик поздоровался с каждым, обнял, хлопнул по плечам, ответил улыбкой на улыбку. А затем, к удивлению Михи, и каждый из сошедших с корабля, включая даже раненого Орма, повторил обряд приветствия, словно братья встретились. И опять кузнец невольно обратил взгляд на высокие ботинки северян, покрытые одинаковым чудным узором. Он повернулся к реке, пряча удивленное и измученное болью лицо, и огляделся.

Пристань находилась в небольшом заливе, где река неожиданно расширялась, словно специально. Тихо. Бодро торчащие камыши, да неторопливый бег воды. Наверное, глубоко... взглянул вниз, в темные волны подземник, отодвигаясь от края и чувствуя, как леденеют ноги. Противоположный берег Оби скрывался в легкой дымке тумана. Тут она пошире будет, чем в родных местах, прикинул Миха, шли-то на север, к устью. А если посчитать дюжину часов на скорость... Вонзенная в гладь реки, поставленная на вкопанные в ил рельсы, широкая и массивная деревянная дорога, способная принять по паре кораблей с каждой стороны, была обвешана покрывками от грузовиков. То тут, то там виднелись бухты каната и широкие тележки.

Взгляд кузнеца упал и остановился на Скидбладнире, к которому северяне впервые привели рабов уже в вечер, когда и не рассмотреть было. Подземник сглотнул подступившую слюну. Высокий, опирающийся на два широких крыла, сейчас скрытых под водой, корабль больше всего напоминал плавучую крепость. Железный, несколько угловатый и лишенный изящества в формах, он, тем не менее, притягивал взгляд своей какой-то животной мощью и силой. От окрашенной в морду дракона носовой части, гордо скалящейся вперед, разило

нерушимостью и открытым вызовом. Как, наверное, и от самих этих людей, отчего-то подумалось подземнику.

Весь Скидбладнир был выкрашен в зеленый с серым цвета, но краска давно отлетела, во многих местах обнажая матовую жесть бортов, что придавало кораблю лишь еще более грозный вид матерого, побывавшего не в одном бою хищника. Накрывающий середину палубы навес, приподнятый нос, надстройка с приборами на корме. Миха невольно представил себе, как приподнимается этот речной дракон, набирая скорость, привставая на подводных крыльях-плавниках и рычит яркая морда, скаля клыки на врагов. Амбразуры для стрельбы по бортам были прикрыты круглыми железными заслонками, стилизованными под окрашенные разноцветными секторами щиты. Неожиданно вспыхнул свет и снова навалилось, приходя неизвестно откуда, словно знал всю жизнь, и Миха покачнулся, устояв на ногах только из страха к воде, а рана в плече отозвалась болью, уже знакомой и родной.

Драккары. Змеи моря, вот как назывались корабли северян. Дом-ладья. Подземник обернулся, чувствуя на себе настороженные взгляды Рёрика и Орма. Откуда же он это знает? Со школы? Ярл нахмурился.

Остальные викинги выгружали из корабля привезенное добро и оружие, шутили, бросались острыми фразочками. Водитель Серега был отцеплен от бывшего командира и загнан обратно в трюм, таскать самые тяжелые мешки с зерном. Глухо гудели бревна под ногами ходивших в корабль за грузом, вода лениво плескалась у массивных опор. Юрик, всей позой выражая покорность и смирение перед судьбой, терпеливо переживал осмотр, какой, словно лошади, учинил ему чернобородый Атли. Неожиданно на левое плечо кузнеца опустилась узкая ладонь.

– А ты, трэль, чего это не в ошейнике?! Забыл, куда попал? Так я исправлю, клянусь кишками Лунного Пса, – высокий голос словно ломался на каждой фразе, улыбка, самая дружелюбная, не покидала тонких губ. – Эй, Рёрик, мне заставить дверга работать?

– Подожди, Харальд, – широкими шагами ярл подошел, кладя свою руку поверх ладони высокого северянина, – это отдельный разговор. Пусть постоит в стороне коротышка, после объясню, а нужны если трэли, так в борг сбегай.

И Миха, непослушными губами успевший поблагодарить ярла, невольно проследил его небрежный машинальный жест. Взглянул и замер. Мимо худого воина, что носил меч и не носил украшений, мимо деревянной дороги, уходившей к берегу. И захотелось хлопнуть себя по лбу, проклиная, что сразу же в урагане впечатлений не заметил такого, а потом упасть на мокрые бревна, закрывая голову в суеверном и всеохватывающем ужасе.

Крепость стояла на берегу, железными башнями словно нависая над самой водой, вцепившись в пологий широкий холм казематами, стенами и ответвлениями сооружений. Совершенно неправильной геометрической формы, без единого намека на общую идею строительства, будто бы сложенная и сваренная несколькими бригадами рабочих в совершенно различные годы. Переплетения корней-построек, врывшихся в холм, затем единый ствол, сотканный из нескольких жмущихся друг к другу практически в упор башен, и ветвистая, нависающая над всем этим крона из башенок поменьше, мостков и уходящих в стороны переходов. Вся из железа, лишь фундамент основной цитадели каменный и грубый, серая, тускло посверкивающая на солнце и красующаяся следами ржи на огромных боках.

Складывалось ощущение, что возвели сначала саму цитадель – башню метров двадцати, а после – то в эту сторону, то в ту побежали от нее пристройки – казематы, склады, кузни. Словно корни причудливого неживого дерева расплзлись по холму они, спускаясь к воде и причалу, обнося холм и кусок берега невысокой стеной, а кое-где и в несколько рядов. Потом крепость рванулась вверх и в стороны, обрастая новыми башенками. Маленькие и не очень, что повыше первой цитадельной, что пониже, словно лапа звериная в небо нацелились, хаосом постройки навевая страх. Похожая на огромный морской коралл, что кузнец видел в музее

Убежища, крепость и холм высились над рекой метров на тридцать, увенчанные красно-черным стягом, узкими бойницами внимательно разглядывая подошедший к пирсу корабль.

Миха конечно в постройках толк понимал, видел форты Миссионеров, поверхностные надстройки Убежищ и берлоги отродьев, но подобное предстало его взору впервые. Такое чувство возникало при первом взгляде на борг северян, что не для уюта и жилья был выстроен тут этот металлический колосс, а исключительно для войны и устрашения. Причем давно и лишь надстраивался с течением лет. Причем опять же, хмыкнул подземник, людьми, в постройках не соображающих вовсе. Еще, подумал он, такое может напомнить космическую станцию прошлого. Но впечатляло... По самым скромным подсчетам, поселение могло смело вместить несколько сотен человек, причем тесно не было бы никому, а уж в обороне такое – лучше просто обойти стороной. То тут, то там башенки щетинились стволами мелкокалиберных пушек и пулеметов.

Над Волчьей Крепостью вились темные ниточки дымов, а наверху, на крышах башен, кузнец разглядел тарелку радара и несколько антенн.

И снова пришла чужая мысль, убежав, прежде чем он успел испугаться. Мой фьорд.

Раумсдалцы нагрузили контрабандистов самыми ценными вещами, остальные трофеи оставив прямо на пристани, и неторопливо двинулись к крепости, сами взяв из привезенного лишь совсем немного. Например, Рёрик взвалил на плечо пузатую, как и он сам, початую десятилитровую бутылку самогона. Вернувшиеся из похода воины сразу же показались Михе ослабленными, словно потряхнувшими с себя напряжение долгих дней, какими-то вальяжными даже и медлительными. Особенно Хальвдан, который в одну минуту из подтянутого воина стал похож на недопитый бурдюк с пивом. Так возвращаются домой.

Три десятка шагов пирса привели их в тень крепости, навалившейся сверху черным пятном. Стоя на восточном берегу Оби, сейчас она спрятала всходящее солнце, бросив в лицо запах железа, сырости и неволи. Миха бросил взгляд по сторонам, где стены борга входили в воду, отгораживая немалый кусок пляжа с развешанными на нем для просушки рыболовными сетями. Сколько, интересно, глаз следит с башен за окрестностями? Потом дорога неожиданно уперлась в основание холма, прячась в прикрытый козырьком навес, и кузнец понял, что это речной вход в сам борг. Справа, где укрепленный деревом и металлом холм был вручную срезан и тонул в воде, высились двустворчатые ворота корабельного гаража. Скоро корабль разгрузят до конца, осмотрят, завесят брезентом осклизшую морду на носу, чтобы не пугала охраняющих дом духов, и бережно заведут в гаражи, давать ремонт и заправлять.

Шедший впереди молчаливый викинг, имени которого Миха еще не знал, остановился у массивных ворот в глубине под козырьком, что-то набрал на настенном пульте и приложил к индикатору висящую на шее вещь. Мигнули лампы, с шипением дверь разломилась и расползлась в стороны, демонстрируя кузнецу полуметровую толщину. Внутри скользнул Рёрик, еще двое, затем втолкнули трэлей, кузнеца, прошли остальные, и Харальд, вошедший последним, закрыл толстые створки.

Оказавшись в невысоком металлическом коридоре, Миха сразу почувствовал себя увереннее. Как мореход определяет глубину и течение по вкусу и цвету воды, так и подземник, очутившись под землей, каким-то шестым чувством мог уловить это в любой миг. Коридор был широким, метров шесть, с заоваленным потолком и ровными жестяными стенами. Желтые светильники, через равные интервалы установленные по всему коридору, давали достаточно света, даже если бы кто-нибудь из них сейчас сел читать. Но читать, вероятно, никто не собирался. Подталкивая пленников по коридору, начавшему спуск в глубину холма, викинги не переставали шутить и улыбаться.

– А Орм что, на крючок оделся, когда рыбу ловил? – Харальд хохотнул, немедленно краснея, как делал после каждой шутки. Атли подхватил, приближаясь.

– Нет, это он в носу скрамасаксом поковырялся неудачно... Вот и плечо раскорябал.

Рёрик, Атли и Хальвдан немедленно рассмеялись, рождая глухое эхо, а Орм ответил, даже не изменившись в лице, негромко, как всегда говорил.

– Я, Атли, плечо проткнул, когда кровь за ярла проливал в битвах неравных и отчаянных, а ты, рожа, все по наложницам Рёриковым мотался, да ел вкусно, что теперь голова в шлем не пролезет...

Они прошли несколько своротов, лестниц, ведущих как вверх, так и вниз. В одном месте миновали лифтовые двери.

– Точно, – Харальд на всякий случай отодвинулся от Атли, отставая, – точно! Щеки у него еще сильнее отросли – вчера в шлемах бились, так он свой еле натянул!

Орм улыбнулся, незаметно морщась от боли, Атли возмущенно открыл рот, Харальд прыснул, а угрюмый викинг, шедший впереди, вдруг захохотал. Рёрик не дал Атли ответить.

– Это что ж такое, а?! Ты в вик уходишь, а он тут твоих теток шупает?! Ну, берегись, сын Асбьёрна, пересчитаю ребрышки! – и Рёрик медленно протянул к ускользящему Атли кулак.

– Что за п-п-оклёп?! – Атли, казалось, был возмущен до предела, задохнулся и от волнения начал заикаться, но улыбка так и раздвигала губы. – Что за наглые н-н-аговоры? Да чтобы я много ел и шастал на нижние этажи по н-наложницам?!

– Да! – едва ли не в один голос ответили северяне, и одновременно захохотали. А Атли еще некоторое время шел, возмущенно бурча себе под нос и с улыбкой поглядывая на улыбающегося Орма.

Миха не понимал. Они шутили, конечно, бросаясь фразами, что поострее ножей подчас будут, и это уже далеко не в первый раз – еще на борту корабля такое слышал. Говорили серьезно, подчас с угрозой или нахмурив брови, словно за меч сейчас ухватятся. И тут же хохотали над собственными глупостями, словно не рабовладельцы перед подземником были, а детишки малые... Миха слушал, пытаясь уловить, запомнить интонации и смысл, но не понимал.

Неожиданно в наступившей тишине коридора ожила рация.

– ...Сигурд, прием... – помехи, создаваемые стенами, шипящим эхом накрыли идущих. Нелюдимый викинг вынул из-за пояса передатчик, поднес к лицу.

– Прием, прибыли они, да, все нормально...

– Поднимайтесь.

– Сейчас мы трэлей по кабинам и наверх, так что тащите пиво, – он хитро улыбнулся и подмигнул ярлу Рёрику, убирая прямоугольник рации за пояс.

У следующего отворота направо группа остановилась. Рёрик, быстро оглядев всех, сказал:

– Сигурд и Харальд, трэлей в камеры, двергу отдельную. Хельги, поможешь им добро на склад сбросить. Хлёдвиг, возьми пару человек, соберите остальное с пирса, и найди Бьёрна, пусть поставит дракку в сарай. Через половину часа в длинном доме. Давайте оружие подброшу наверх, чтоб сподручнее было, – на его протянутую руку один за другим одели автоматы и две снайперские винтовки.

Миха последний раз глянул на Рёрика, Атли, Орма и Хальвдана, направляющихся к заметным в конце коридора лифтам и, подталкиваемый Сигурдом, нырнул в сырой тоннель.

VI

Камера была квадратной, метра три на три, с обтесанными каменными стенами, потолком и полом. Естественно без окон, с узкой трубкой вентиляции в углу и заплетенной в решетку лампой, включать и выключать которую мог сам заключенный. Узкая кровать вдоль стены, стул, столик. Отхожее место в углу. Солома на полу, матрас, тюфяк. Все.

Миха сидел на топчане, притянув ноги к груди, и осматривал свое новое жилье. Было прохладно, как это всегда бывает под землей, и он вдруг подумал, что контрабандисту Юрику будет нелегко отвыкнуть от солнца. А для него? Ну, по большому счету, чем не Убежище? Привстав на кровати, Михаил осторожно втянул носом воздух из вентиляционного отверстия. Глубина, прикинул он, не меньше десяти-пятнадцати метров. Сырость шла от реки, катившей совсем рядом, так что прогреть эти казематы практически нереально. Люди-рабы тут наверняка долго не живут...

Он в очередной раз удивился пустоте, наполнявшей его вместо необходимой ярости, гнева за порабощение или стремления вырваться на свободу. Как там сказал Юрик? Сам пове-ришь в то, что Хеймдалль родил тебя трэлем? Кузнец встал, подходя к столу, наполнил мутный стакан водой из пластиковой бутылки, глотнул. Не так давно их покормили, тщательно пере-вязали, рассадили по камерам и забыли. До поры. В то время как наверху... Пенилось опро-кидываемое в рога пиво и дымились жареные бараны, немногочисленные прислужники трэли торопливо расставляли по столам чистую посуду и затаскивали в дом бочки. Падали на скамьи теплые шкуры и мечи занимали почетные места на гвоздях...

Хоть пытай, он не знал, как приходит знание. Наваливалось, топя в волне света и прино-сило: то мысль, словно жил с ней с малых лет, то образ, как будто издавна знакомый. Михаил не понимал, откуда приходят картинки, не знал, верить ли им или считать последствиями ране-ния, промелькивающими перед воспаленным воображением. Может, посидеть ему, подзем-нику, поразмыслить пару деньков в тиши, так повезет и придет мысль какая... Плечо, к слову сказать, продолжало гореть и пульсировать, словно гарпун все еще торчал в нем. А картины приходили – яркие и насыщенные, словно видеоизображение, и не собирались отпустить. Оче-редной бред?

Вот Рёрик прошел в зал, поклонившись на пороге и радостно осматривая дом, покинутый две недели назад. Улыбнулся, приветствуя сидевших за столами, ответил объятиями на объ-ятия стоящего у дверей воина, прошел дальше, где в незамкнутом прямоугольнике трех длин-ных столов на полу, выложенный камнями, ровно горел очаг. И остановился, глядя на возвы-шение.

Торбранд конунг сидел за коротким столом, во главе очага, у дальней, торцовой стены длинного дома. Свечи на столбах, подпирающих массивный стул правителя, горели неесте-ственно ярко, брошенный на плечи плащ серебрился меховой оторочкой. Конунг кивнул Рёрику и, приветствуя, поднес к губам кубок. Пригубил, улыбаясь и рассматривая родные лица. Следом за Рёриком в комнату вошли остальные прибывшие из похода воины, а зал тут же наполнился шумными приветствиями. Северяне вскакивали с мест, бросались к прибывшим, и обнимались, словно не виделись несколько лет. Не одну минуту шум и смех царили под высо-кими сводами, а от похлопываний трещали кости. Затем все понемногу расселись, строго соблюдая свои места, и Рёрик, опустившийся за короткий стол справа от конунга, поднял руку, призывая к тишине.

Миха словно парил, совершенно не чувствуя собственного убогого и раненого тела. Было очень похоже на сон, когда витаешь в воздухе, незаметный другим людям, но стоило моргнуть, как сквозь картинку длинного бревенчатого зала проступали каменные стены камеры и туск-лый свет лампы. Подземник снова расслабил взгляд, возвращаясь в видение. Перевернувшись в воздухе и пользуясь неожиданной свободой передвижения, что так щедро дарует сон, кузнец двинулся над столами, осматриваясь.

Прямоугольник залы метров пять на пятнадцать, вход в которую располагался в про-тивоположном возвышению торце, невысокие стены без окон, почти сразу же переходящие в крышу, были сложены из бревен и кузнец удивился, прикидывая, где это за пределами борга в таком срубе могли собраться викинги? Видение... Крутая двускатная крыша, покрытая то ли мхом, то ли дерном и подпираемая не менее чем десятком массивных резных столбов, схо-

дилась в семи метрах над полом, а над длинным очагом в ней находилось дымовое отверстие. Массивная дверь, круглые напольные лампы дневного света в беспорядке наставленные по всему дому.

Вдоль стен, отмеряя равные промежутки, установлены деревянные перегородки, образуя за спиной каждого сидящего как бы индивидуальную клеть. В них находились лавки-лежаки с набросанными поверх шкурами зверей, полки, ящики. Дальше к центру зала стояли широкие лавки, на которые в случае необходимости можно было и улечься, а потом и узкие столы – два длинных, друг напротив друга через очаг, и короткий стол конунга на небольшом возвышении, за которым уже не на скамьях, а на креслах сидели он и его ярлы. Сейчас там находились Рёрик, конунг, по левую руку от него Атли, и дальше невероятных размеров детина в ярко-красной рубахе, лицом очень похожий на дебила. За их спинами, отгороженные занавесью, располагались отдельные спальные места.

Хотя в зале за столами Миха насчитал не меньше двадцати человек, как минимум штук шесть мест и клеток определенно пустовали. Женщин среди сидящих не было, хотя среди неприметных серых теней, разносящих по столам еду и напитки, кузнец и углядел несколько наложниц. Разнесли, разлили и мигом спрятались, затаившись в посыпанном соломой углу подле двери.

Стоп!.. Взглядом возвращаясь к столу, Миха неожиданно различил среди сидящих по правую руку от конунга единственное женское лицо. Точно, так и есть – женщина. Хотя во все мужское и одетая, но определенно – женщина. Зим тридцати отроду, симпатичная, хоть и не совсем в Михином вкусе. Нет, под мужика не косит, скорее даже наоборот с удовольствием сменила бы простую и грубую одежду на нормальное платье... Длинные темные волосы заплетены в косу, браслеты на руках потоньше да поизящнее, чем у других, колечки на пальцах. Воительница сидела между мрачным на вид Сигурдом и широкоплечим бородатым силачом, о чем-то с последним споря и заразительно смеясь.

Кузнец взглянул на стены и подумал, что если бы бесплотные видения могли падать в обморок, он бы рухнул. Прямо на стол конунга.

Стены были увешаны оружием. Не только стены, но и столбы, подпирающие крышу и перегородки клеток, все это буквально ломилось от висящих на них военных сокровищ, подобно тому, как ломился от еды стол конунга Торбранда. Тут были мечи, которые каждый садящийся на лавку вешал над своим местом, были топоры – настоящие боевые секиры, словно пришедшие из прошлого, длинные ножи-скрамасаксы в изукрашенных жестью ножнах, прислоненные к стенам копьё-рогатины, с которыми и по сей день деревенский люд по дичь ходит. Были щиты, причем не бутафорские, а боевые, порубленные, посеченные, тоже над каждым сидящим. Короткий широкий меч и небольшой щит висел так же и над местом девы-воина. Кольчуги и набранные из пластин доспехи были любовно развешаны по стенам, чаще всего красуясь поверх волчьих шкур, которых в доме было преизрядно, на полатах лежали тяжелые шлемы.

Рядом с доспехами на стенах висели бронежилеты, во многих местах усиленные стальными пластинами и сплошь расчерченные охранными знаками. Рядом с мечами на деревянных гвоздях – автоматические винтовки, возле железных шлемов и кевларовых касок – пояса с запасными магазинами; над Ормом, Хлёдвигом и еще одним усатым воином снайперские винтовки, над невероятно толстым бородачом в очках – пулемет. А подле детины за коротким столом конунга, сидящего по левую руку от Атли, неброско отсвечивал раструбом короткий гранатомет.

Миха видел за столом Харальда и молчаливого Сигурда, тут находились Хальвдан и Хельги. Воины были в одних рубахах, только конунг в плаще, с непокрытыми головами, многие не подпоясаны. Сидели, накладывая дымящееся мясо в плоские тарелки, готовясь орудовать руками и ножом, что был у каждого. Но вот Рёрик поднял руку и все замерли.

– Рад вам, ближники, – его раскатистый голос был слышен по всему залу, – рад возвращению, рад дом снова увидеть, рад, что уцелели все и не придется сегодня плакать женам. Клянусь Тюрмом, славный был поход, а уж что привезли и кого привезли, мой конунг, так не было такого давно! Много добычи, еды взяли, торговали славно, бились самую малость, – при этих словах люди Рёрика, что были с ним в походе, начали улыбаться, зашевелившись на своих местах, – новых работников привезли. На юг ходили, почти до самого Города дошли, – Рёрик вышел из-за своего места и поднял в правой руке длинный рог, до краев наполненный густым темным пивом, спустился с возвышения, подходя к очагу. – Славься, очаг! – по часовой стрелке он провел над углями рогом, немного выплескивая в огонь. – Славься, Раумсдаль! Славься, конунг Торбранд! Скьёл!

– Скьёл! – вразнобой повторили за ярлом все сидящие за столами и сделали по несколько глотков. Рёрик вернулся за свое место, когда все уже начали трапезу, оживленно общаясь между собой. Сел, придвигая тарелку.

Начали есть, обмениваясь короткими репликами, жадно глотали пиво, раз за разом наполняя рога, зал наполнился смехом и шорохом ног под столами, громкими фразами и стуком посуды. Помогая себе ножами, северяне прямо руками ели дымящуюся баранину, заедая ее зеленью с овощами и запивая пивом из рогов, кружек и железных кубков. Прибывшие с Рёриком викинги мгновенно оказались в центре внимания, на разных концах стола рассказывая об одном и том же, размахивая руками и что-то ожесточенно показывая на пальцах. Периодически то здесь, то там раздавались приступы хохота.

– ...и вот мы стоим втроем: я, Рёрик и Хельги, – Орм, как всегда в своей манере, говорил спокойно и даже меланхолично, словно намеренно не замечая соседей, валящихся от смеха на лавки. Расчистил место перед собой на столешнице, кончиком ножа чертя картинку прямо на досках, – перегородили тропу, заняли холмик, значит, ждем...

Утолив первый голод и проглотив пару глубоких рогов с пивом, Рёрик отодвинул тарелку. Обернулся к конунгу, который, казалось, вообще не ел, только и ожидая ярла, лениво вслушиваясь в царящие над столами разговоры.

– Ну вот, значит, – Рёрик откинулся на спинку стула и хлопнул ладонями по животу, – теперь добро! – заметив, как конунг достает из поясного кошелька трубочку, он потянулся за своей. – До Новосибирска не дошли километров пятьдесят, не больше. Встали на лагере кочевников, попали в ярмарку. Поторговали, довольно дешево взяли тушенку и рыбу, потом землей дошли на запад до Колывани, там совсем немного говядины, что и до октября может не хватить. Патроны тоже не наладились. Цыгане заломили космическую цену, чтоб их тролли утащили, скотов мелочных, а оружейники из Города на ярмарку не попали, так что привез мало. Уже во время возвращения, около Ташпара видели четырех альвов, но взять не успели. Знаешь, Торбранд, – ярл смочил горло пивом, – по мнению людей, это значительно ближе к Раумсдалю, чем по весне.

– Они были вооружены? – конунг облокотился на резной подлокотник кресла, задумчиво разглядывая снежную шапку пены в своем кубке.

– Скорее походили на бродяг, – ответил Рёрик, – исчезли сразу и быстро...

– ...Я с винтовочкой позади, эти вот убийцы выдвинулись, такие все из себя грозные, – невозмутимо продолжал Орм, – а кочевники еще дальше позади нас жмутся, да только и причитают: «ой, вы нас прикройте-спасите, мы в долгу не останемся, ой, да у нас каждый патрон на счету». А замковая пара наша, герои-метеоры, Хлёдвиг с Хальвданом, справа по кустам обходят вот через эту низину. Встали там, взяли бродяжников на прицел и затаились, а те тоже вперед по тропе ломиться желанием не горят. Тут значит Рёрик спокойно их пересчитывает, понимает, что нас пятеро на одиннадцать, и задумывает сложный тактический маневр, – в этом месте сидящий слева от Орма Хельги буквально в истерике захлопал полупустой кружкой по столу, хватаясь за живот и расплескивая пиво на также хохочущих соседей, – он выходит

немного вперед, ловит непонимание на лицах бродяжников и громко так, чтоб всем слышно было, перехватывает инициативу. Руки рупором сложил и орет в кусты, где замковые притаились: «Хальвдан, – кричит, – вы обходите справа, а младшему хирду Ингвара скажи, чтоб выходили на тропу за их спинами»!

Сидящий через несколько человек направо Хальвдан заподозрил неладное и замолчал, прервав разговор с соседом, оборачиваясь к Орму. Понимающие, о чем сейчас пойдет речь, уже просто валялись от смеха под столы.

– ...И тут, на глазах у ошарашенных нашим утаенным количеством бродяжников, из кустов в низине поднимается Хальвдан и, недоумевающе так оглядываясь, кричит в ответ: «А где это, ярл, ты у нас нашел младший хирд»?!

Хохот, потрясший дом, перекрыл разговоры всех сидящих за столом, а багровый, но улыбающийся Хальвдан в наступившем гвалте попробовал что-то сказать в оправдание. Его слова утонули в еще большем хохоте. Торбранд конунг, краем уха тоже прислушивающийся к истории Орма, еще ниже наклонился к Рёрику – слов ярла просто стало не слышно.

– ...под самым Зеленым Мысом, чуть севернее, вышли ненадолго на берег откопать родник, как тут слышим выстрелы, – продолжал рассказывать ярл, – мы корабль на середину реки, волчьим шагом через три минуты на месте, и видим отдыхающих в брошенной деревушке контрабандистов. Труп, шмотки какие-то переворачивают вверх дном, вооружены вроде. Тут, думаю, мы себе запасы человеческие и пополним. Окружили, вышли, одного присмирить сразу пришлось. С ними еще дверг был, про которого тебе Харальд рассказывал, кузнец из сорок пятого Убежища. И вроде сначала мирно встали, поговорили, а потом один из них возьми, да кинься... В Орма попал, ранил вон в плечо. Ну мы одного еще положили, а двое присмирели сразу, в ошейники сами полезли...

– Чьи люди?

– Ничьи, конунг, – Рёрик щелкнул пальцами, – да таких сотня с гаком на все восточное побережье. Этот вот Юрик, например, похож на человека Бахтияра, так ведь они разве сознаются? Возят безделушки с юга на восток, наркотой приторговывают... Юрика, кстати, мы и взяли.

– А за вергельдом не придут?

– Обижаетесь... – Рёрик пожал плечами, – выплатим выкуп свинцом по полной программе, сволотам, – Торбранд легко усмехнулся, косясь на горячего ярла, и пригубил пива, – патронов взяли, хлама какого-то, оружия немного. Кстати, карбюратор с их машины сняли, что на поливальную машину нужен был. Ну и ноутбук, конечно, – оба помолчали, глотая терпкий напиток и размышляя над черным пластиковым сокровищем, терпеливо ожидающим вскрытия в святилище.

– Они его с трупа сняли? – конунг затаился ароматным табаком, выпуская изо рта клубы чистого белого дыма.

– Видимо, да, – Рёрик кивнул, вспоминая деревню, и тоже попытлся трубкой, – знаешь, дверг этот, кузнец, клянется, что не с ними был. Вот я и думаю, что навалились они просто на странников, одного положили, да трофей добрый ненароком взяли. А может везли куда, а эти просто подвернулись... Хотя дверг утверждает, что компьютер его. Кстати, коротышка в любом случае пригодится – кузнец он.

– Откуда ящик?

– Говорит, с юга.

– Шахты? – Торбранд медленно опустил трубку и кубок, обернувшись к ярлу. Тот кивнул.

– Сам с ним поговоришь завтра, там все равно еще один вопрос был... – и ярл невольно спрятал взгляд. Торбранд молчал. Он знал, Орм сам все рассказал, как только Скидбладнир прибыл в Ульвборг. Конунг вздохнул, кивая головой, и укутал лицо клубами дыма.

– Сильно пробило?

– Навылет, – Рёрик еще раз щелкнул зажигалкой, раскуривая притухшую трубку, – тот вроде как на Змееныша навалился, отталкивая, и тут-то их и накрыло. Навылет...

– Последствия?

– Не знаем пока, Торбранд. Сам посуди, сутки прошли, рана у дверга запеклась, но болит сильно. Как и должна, в общем... А еще Хлёдвиг утверждает, что тот сознание терял пару раз и бредил...

– Говорил в бреду? – Торбранд кивнул приподнявшему на другом конце зала кубок Сигурду, в приветствии поднял свой и отпил.

– Говорил... – и Рёрик снова прячет глаза.

– Значит, все-таки не убереглись? – голос конунга был тих, но ярл знал, что сейчас в правителе уверенно закипает буря, способная сломать не один хребет.

– Не сердись, Торбранд, – Рёрик тяжело вздохнул, – впервые в Раумсдале подобное происходит. Не могли знать, что так выйдет, да и сам бы ты по-другому не сделал. А у дверга этого, видать, Норнами так выткано...

Торбранд не ответил. Рёрик, конечно, по большому счету был прав, такого еще не бывало и винить хирдманов в случившемся было бы просто выплеском злобы на бессилие. Но как теперь быть с подземником?.. О, воля Норн!..

– А где у нас главный трофей, конунг?! – под одобрительные возгласы неожиданно встал со своего места Хальвдан, и тяжелые мысли Торбранда мигом унеслись прочь. Конунг поднял глаза и улыбнулся, прекрасно понимая, что тот имеет в виду далеко не ноутбук, отнятый у контрабандистов. Небрежно сделав знак стоящему у дверей зала трэлю, он выпрямился на своем кресле.

– Ну так порожните рога, хирдманы! – звонко крикнул он и еще шире улыбнулся, когда посланный за двери прислужник шустро внес в избу трофейную бутылку самогона, а под крышу рванулся единый ладный вопль. Под прозрачную струю тут же потянулись кружки и рога, сидящий рядом Рёрик расхохотался и конунг окончательно выбросил из головы неприятную тему, протягивая кубок рабу. Все завтра...

Наполнив поистине великанский рог, слева от Атли из-за стола поднялся широкоплечий детина.

– Сказать хочу, – негромко рявкнул он, и за столами мгновенно притихли, пряча улыбки в бородах. Гигант повернул к конунгу раскрасневшееся от выпитого пива лицо. Голос его, совершенно не вязавшийся с чудовищными мышцами воина, когда не кричал, был высок и даже немного гнусав, – поднимая этот рог за нашего славного конунга Торбранда, сына Хаскульда, что на землях раумов достойнейший из правителей, победителя турсов и хримтурсов, альвов и свартальвов! Славься, конунг! Кто славит – пьет до дна! Скъэль!

– Скъэль! – многоголосо грянуло в ответ.

Великан опрокинул рог, а по избе пронеслась волна, когда из-за столов начали подниматься дружинники, вскидывая руки в приветствии. Конунг тоже встал, поднимая кубок над головой, и цепким взглядом пробежался по лицам, не упустив ни одного.

– Славьтесь, ближники! – и жадно опустошил кубок.

Крепкий напиток ударил по лежавшему на дне пиву и понеслась гульба... В Раумсдале по-другому не умели. После этого Миха неожиданно, словно сам залпом выпил стакан самогона, осел на лежак и погрузился в ледяное небытие.

VII

Сколько прошло времени, Миха мог определить весьма приблизительно, да и то, казалось, что оно замедлилось, словно кто-то руками держал на часах стрелки. После того, как прошли видения и кончился неожиданный морок, он просто сидел на кровати, ожидая, пока

навалится сон. Но время текло карамелью, рана продолжала пульсировать, а дремота все не приходила.

Где-то в канализации шуршали крысы, за стеной стонали или негромко переговаривались такие же, как и он, пленники. Миха лег, ворочаясь на жестком лежаке, и принялся считать овец. Не помогло. Не помогла так же выключенная лампа, погружение в медитативное состояние и ритмичное успокаивающее дыхание. Кузнец ворочался, мерил шагами камеру, досконально изучил механизм дверных петель, устройство лежака, схему сборки стула и стола, систему электропроводки, но усталость не приходила.

Тогда он просто думал, пытаясь до упора загрузить и утомить работой мозг. Думал о странных людях, в дом к которым так неожиданно попал рабом. Вроде русские, но ведут себя, как чужаки. Говорят чисто, на Миссионеров даже черты похожей нет, но словно из другого мира. Были, конечно, в лесах Сибирских и язычники и староверцы, которых после Войны как развернуло в мистико-военное русло, так там по сей день и держало, но чтоб подобное... Взявшие его в плен люди были просты, предельно открыты и до безобразия честны со всем попадающим на пути в мире силы и жестокости, в который Россия превратилась в двадцать втором веке. Сильные и серьезные, умеющие легко пустить кровь любому, они, в отличие от тех же рейнджеров или сталкеров, одновременно были похожи на хулиганящих детей, случайно наделенных властью. Подобное соседство некой наивности восприятия окружающего с бесчеловечностью ко всему, что лежало за стенами их борга, приводило подземника в замешательство.

Викинги были совершенно непохожи ни на одно из многочисленных формирований сибирских, или даже российских земель, будь то хоть анклав Светящихся, берлоги отродьев, передвижные лагеря бродяжников, вольницу или систему Убежищ. И это не говоря уже про колхозы или уцелевшие Города, вроде Новосибирска. Может, только на военизированные братства Миссионеров, но только там все более по-армейски, что ли...

Было очевидно одно – сформировалось северное поселение много лет назад и, пожалуй возможно, еще даже до Четвертой войны. Здесь издавна всему было определено свое место и отлажено в гармоничный механизм. Одного взгляда на хирд конунга хватало, чтобы понять, что существует определенная и жесткая система, подчиняться которой обязан каждый из них. Иерархия, почтение и скрытая основа. Если в зале с правителем пиروвало двадцать таких убийц, то сколько еще должно быть оставлено на стенах и дозорах? Свод собственных законов, направление единой мысли всех этих северян, словно стремление к некой объединяющей цели. Шутки, остроты и насмешки, которыми они, опять же подобно детям, тешились друг над другом – даже все это имело свои незримые и неизвестные постороннему взгляду границы, переступать которые не собирался никто. В то же время животная жестокость и способность без раздумий поступить согласно своим, подчас пугающим правилам и законам, попадая в чужой мир за стенами, напоминала... Зверей. Ульвборг – Волчья Нора.

Лязгнул замок смотрового окошечка и Миха вздрогнул, вскидывая голову на дверь. Задремал, все-таки? В узком окне появилась лицо Хлэдвага, отекавшее и помятое.

– Спишь? – хрипло поинтересовался он. Миха вытянул ноги, разминая затекшие мышцы, и пожал плечами.

– Да нет еще, – а внутри заворочалась подозрительная мысль. Чего это надо викингу от подземника в самый разгар пира? Хлэдваг нахмурился.

– Пошли, дверг, тебя хочет видеть конунг, – дальше громыхнул засов и дверь со скрипом открылась. Северянин стоял на пороге, рукой лохматя и без того помятую темную шевелюру. В одной неопоясанной рубаше. Смело, подумал Миха, учитывая, что такого подземник руками бы скрутил. А дальше что? Дверг спрыгнул с топчана, допил воду из стакана и вышел из камеры.

Прошли в основной коридор, повернули направо к лифтам, в просторной светлой кабине неторопливо поднялись на несколько этажей. Хлёдвиг отчаянно зевал, постанывал, прикасаясь руками к голове, но недовольным не выглядел. От викинга крепко несло перегаром. Новый коридор, ярко освещенный и недлинный, мимо пультов на стенах и точек внутренней связи, пожарных щитов и ничем не украшенных стен, дальше по мостку, под которым подземник разглядел просторный зал машинного цеха, к тусклым металлическим дверям в металлической же стене. Насколько кузнец мог ориентироваться, сейчас они находились в центральной башне борга.

– Открывай, – давая в голосе зевоту, бросил Хлёдвиг. И Миха толкнул створку. Понимание, как это было ни странно для его неторопливого мышления, на этот раз пришло сразу.

В очень высоком полутемном зале, потолок которого представлял собой свод купола, словно звездами усеянного вентиляционными отводами, на массивном каменном возвышении посреди металлического пола стоял длинный дом. Больше в помещении не было ничего – голые железные стены, блестящий пол, двери за спиной и настоящий дом – бревенчатый сруб с покрытой дерном крышей и пара более мелких пристроек по бокам. Из отверстия в крыше лениво поднимался убегающий к куполу дымок. Еще один, более насыщенный столб дыма с запахом пищи шел из пристройки справа.

Хлёдвиг, выждав отведенные на шок несколько секунд, подтолкнул подземника к двери, расположенной в торце. Миха еще раз обвел глазами постройку, пробивающийся через дерн крыши ковер зеленой травы, резные драконьи морды на коньках, и потянул тяжелую дверь, шагая на порог. К его счастью, усталость все же дала о себе знать, притупив чувство удивления и необычности, спасая дверга от интенсивности потока чудес.

Вошел, как-то вяло изумившись, насколько точно и ярко, в подробностях являлся ему дом конунга в недавних видениях. Осмотрелся и нерешительно остановился, отступив от дверей, неожиданно чувствуя, что по мироощущению опять засадили кузнечным молотом. Те же лавки и столы, заставленные едой, буквально прогибающиеся от оружия стены и резные столбы, прямоугольный очаг с дотлевающим в нем длинным смолистым бревном. Миха чувствовал под ногами засыпанные соломой доски пола, жадно втягивал запах смолы и жареного мяса, прозябшим в подземелье телом ловил тепло живого огня, но в себя придти не мог. Сейчас, наверное, стоит лишь открыть глаза и сквозь задымленную очагом картину проступят каменные своды камеры...

Хоть видения были настолько достоверными, что, казалось, просто не могли лгать, за столами больше не сидели пирующие викинги – сейчас они вповалку лежали на лавках и на полу у тлеющих поленьев, завернувшись в шкуры и шерстяные плащи. Только немногие из них, среди которых Миха никого не знал, понуро сидели на своих местах, жадно глотая ледяную воду или завтракая остатками пиршества. Лица северян были мрачны, глаза смотрели даже без намека на дружбу или улыбку, а раздающиеся над спящими редкие стоны живо напоминали о головной боли. Только бородатый толстяк-пулеметчик, сидящий перед дымящейся кружкой чая, был свеж и не помят. Склонившись над столом и надвинув массивные очки на самый нос, он, казалось, что-то вырезает из палочки или кусочка кости. Миха осмотрел всю душераздирающую панораму и обернулся к Хлёдвигу. Как бы смешно это не звучало, но у всех присутствующих в доме головорезов было самое настоящее похмелье.

Хлёдвиг нахмурился, подталкивая дверга к столам, и негромко бросил:

– Когда будешь говорить с конунгом, не забывай свое место, коротышка, – и пошел на лавку, предоставив Михаила самому себе. Кузнец неуверенно последовал за ним, поднимая взгляд на возвышение. Конунг был из числа тех, кто уже не спал. Сидел скомкано, тяжело обвалившись на подлокотник и один из столбов за спиной, плотно запахнувшись в алый плащ, словно в доме было холодно. Подходя к самому очагу и останавливаясь в ожидании, кузнец

вдруг понял, что из всех подробностей видения единственным размытым пятном было именно лицо Торбранда конунга, которого он до сей минуты так и не видел.

Конунг был молод, не старше тридцати лет, крепок, подтянут и наверняка ладно сложен, как и многие из северян. На еще вчера гладко выбритых щеках и подбородке сегодня уже пробивалась темная жесткая щетина. Доходящие до плеч черные волосы, с единственной неестественно яркой белой прядью, были растрепаны и небрежно отброшены со лба. Из-под густых бровей на дверга внимательно, хотя и несколько мутно, взирали пронзительные и большие карие глаза. Неудачный момент, пожалуй, выбрал Торбранд, чтобы явить карлику свое величие... Точеное из камня лицо отекло, губы пересохли, а в длинных крепких пальцах правитель держал наполненный водой кубок, к которому то и дело прикладывался.

– Меня ты, наверное, уже знаешь, дверг, – голос конунга был очень похож на голос из видения, но более слаб и не так звонок, – кто ты такой?

– Меня зовут Михаил Жаров, конунг, я кузнец из Сорок Пятого Убежища.

– Подойди ближе, – Торбранд привстал, жестом руки приказывая подземнику обойти очаг к столу.

Кузнец не сдвинулся с места и это заставило немногих пробудившихся ото сна поднять на него глаза. Повысив голос, чтобы правителю и остальным было отчетливо слышно, он неожиданно для самого себя произнес.

– Я буду говорить через очаг, конунг, чтобы слова лжи в моих речах сторали в огне, прежде чем долетят до тебя! – толстяк в очках неопределенно хмыкнул, отрывая взгляд от деревяшки; спящий на резном подлокотнике кресла конунга Рёрик как по сигнал вскинул голову, мгновенно пробуждаясь, а сам Торбранд в немом вопросе изогнул левую бровь. Ничего не сказал, а только покосился на проснувшегося ярла, скользнул взглядом по второму – Атли – все так же храпевшему, уронив голову прямо на стол, и снова посмотрел на дверга. Рёрик, разминая затекшие ото сна руки, повел плечами и встряхнулся, по немому приказу правителя включаясь в разговор.

– Ты свободный человек? – спросил конунг.

– Да, – кивнул головой подземник, – и в своем поселении меня почитали, как умелого и искусного мастера. До моего пленения... А в Убежище мы все подчинялись мэру и...

– Я знаю, как устроены законы Убежищ, – властно прервал его конунг, – значит, ты бонд... – спрашивая-утверждая качнул головой Торбранд, – хорошо, умелые работники всегда были в почете на моих землях и еще ни разу не могли жаловаться, что их хоть чем-то обидели.

– Ты отпустишь меня домой? Чтобы не обидеть... – Миха задал этот вопрос против собственной воли и почувствовал, что кожа на спине покрывается крупной гусиной кожей, но в лице не изменился. В следующую секунду сидящие за столами, кроме Торбранда, дружно рассмеялись, заставив проснуться еще несколько человек.

– Тебе нужен более полный ответ? – с улыбкой на губах поинтересовался предводитель северян.

На лавках стали появляться просыпающиеся, перед которыми трэли со времени пира предусмотрительно расставили ряд высоких запотевших кувшинов. Густое терпкое пиво тут же полилось в рога и высокие деревянные кружки, среди поднимающихся над столами лиц Миха заметил Харальда, Хельги и Орма. А еще через несколько минут угнетающего молчания, наполненного лишь шорохами одежды и стуком лавок, кузнец понял, что сейчас его разглядывают без малого все присутствующие в зале. Торбранд толкнул локтем Атли и тот, что-то нечленораздельно бормоча, с трудом приподнял из-под стола великана с детским голосом. Пихаясь и глупо хихикая, они тут же принялись отнимать друг у друга кувшин. Подумать только – предстать на суд двадцати похмельных викингов!..

– Рёрик ярл сказал мне, что ты предъявляешь свои права на найденный у контрабандистов компьютер? – в наступившей напряженной тишине спросил конунг.

– Эта вещь принадлежала моему убитому другу...

– Ты хотел получить за нее деньги?

– Он хотел... пока контрабандисты нас не предали.

– Ты знаешь, что это? – в ответ Миха честно замотал головой. – А откуда она?

– Мой друг, – подземник сглотнул предательский комок, – был рейнджером. Он принес ее... его из шахт на юге, откуда-то с Алтая, – по северянам побежал неразборчивый ропот и шепотки, а ярлы и Торбранд молча переглянулись, – больше я ничего о ней не знаю. До недавнего времени я вообще не знал, что это древний компьютер.

Викинги негромко переговаривались над столами, обсуждая услышанное, что, вероятно, произвело на них какое-то определенное впечатление. Торбранд наклонился сначала к Рёрику, потом налево к Атли, и бросил молниеносный взгляд на Орма.

– Я скажу свое слово, – четко и громко сказал он, обращаясь сразу ко всем, – ноутбук был отнят моими людьми у контрабандистов, а значит, принадлежит раумам, как и они сами. Тебе, дверг, нельзя не согласиться с подобным, ибо это разумно. Но если эта вещь окажется нужной и полезной нам, я обещаю отдельно одарить тебя за нее. Я сказал!

Подземник скользнул настороженным взглядом по дружинникам, кивающим головами. Возразить?

– Скажи, – спросил конунг, неожиданно придав тону спокойно-вкрадчивые нотки, словно демонстрируя перемену темы, – ты сегодня хорошо спал, дверг?

Все замерли и Миха замер тоже. По выражению лиц, по внимательным взглядам и позам он понял, что все до единого сейчас понимают, о чем дальше пойдет речь. Кроме него, конечно... И именно для этого, а не из-за трофейного компьютера, чья участь и так была ясна, приволокли только что подземника в длинный дом. В очаге треснуло догорающее полено и в воздух прыгнули точки ярких искр. Осторожно подбирая слова, Миха спросил в ответ.

– На корабле? – и вздрогнул, подумав, что сказал что-то не то. Потому что люди за столами снова пришли в движение, что-то обсуждая, а ярлы и конунг закачали головами, негромко общаясь между собой. Кузнец в одно мгновение почувствовал себя голым, словно дорожные сапоги, потертые штаны и куртка испарились, явив мускулистое тело карлика на обозрение северянам. А еще он почувствовал себя полным дураком. И рана, как назло, опять заболела, пульсируя и горя огнем.

– Нет, – сказал конунг, заставив все разговоры умолкнуть, и подземник поразился силе власти, что Торбранд имел над своими людьми, – я имею в виду уже тут, в борге.

– Я еще не ложился спать, правитель, – тихо сказал подземник, – просто не хотел пока. А что?

Естественно, ему никто не ответил. Снова негромко зашумели, снова Торбранд советовался со своими ярлами. Чувствуя, что неуловимый ответ уже близок, Миха попробовал сам ухватить его за скользкий рыбий хвост и сказал, повышая голос:

– Я видел этот дом в видении, несколько часов назад, когда сидел в вашей тюрьме! Тут был пир и... – он замолчал, подавленный неожиданной неудачей собственной смелости. Вокруг вдруг забурило, возбужденно загомонило, люди хлопали ладонями по столам, что-то обсуждали, гремели посудой, размахивали руками, спорили и только конунг и Орм безмятежно не меняли поз, внимательно разглядывая кузнеца. А из произнесенных вокруг подземника слов, к его нарастающему ужасу, лишь одно выделялось своей холодной неизменностью, передаваясь словно из уст в уста.

Кровь.

Есть время для смеха, для дружеских шуток и усмешки в лицо жизни, есть время для скорби и слез, для уходящего навсегда. Времена для всего, что подчас приходит. Возможно,

в жизни отдельного человека и может выйти так, что какое-то из Времен минует его, обойдя стороной по тем или иным причинам, но судьба, встречающаяся на пути подобно грузовику без тормозов, редко объезжает идущих ей навстречу. Судьба, встреча с которой чаще всего сулит освобождение от старого, выход в неизвестное и как минимум один единственный шаг в пустоту.

Сейчас, стоя в длинном доме северян, Миха почувствовал свет фар в лицо. Комната завертелась, а голоса в ней погасли, словно свечи, убитые ветром. Целостная картинка еще не сформировалась, но обрывки, куски и неясные фрагменты ее уже падали рядом друг с другом, позволяя прочесть общие очертания. Еще ничего до конца не осознав, кузнец начал проваливаться в бездну понимания.

– Как ты думаешь, – голос конунга долетал из серого тумана, наполнявшего избу, – сколько сейчас времени, дверг?

Мысли разбегались, шустро унося от внимания подземника значение самого слова «время». Он мотнул головой, пытаясь сконцентрировать взгляд на Торбранде, и пожал плечами, совершенно не чувствуя боли в раненом.

– Сейчас уже позднее утро, дверг, – произнес тот тоном судьи, зачитывающего приговор, – последний раз ты спал значительно больше суток назад. И мы действительно пировали тут вчера.

И казалось бы, ничего такого ужасного в этом не было, в нежелании спать или не чувствовать усталости, но дверг отчего-то понял, как пришло из ниоткуда знание о корабле северян, что именно в этом все дело. Непростое дело. Орм, сидящий на скамье, что по левую руку от стола конунга, опустил глаза.

– Теперь я могу сказать наверняка, Михаил, – конунг тяжело вздохнул, – домой, в привычном тебе понимании этого слова, ты уже не вернешься никогда...

VIII

– ...присутствие в крови транквилизаторов, стимуляторов, ядов или любых медицинских препаратов составило ноль процентов, – шелест переворачиваемой страницы, – последний прием препаратов зарегистрирован не менее, чем три недели назад. Вещество на основе анальгина с добавками не идентифицированных трав. Алкоголь, наркотики различной степени тяжести – ноль процентов...

Шуршание распечатанных на принтере листов.

– Содержание в крови активного вещества «Фенрир» составило четырнадцать процентов, результаты кратковременного наблюдения за активностью вещества подтверждают его интенсивное распространение по внутренней среде пациента, – короткий кашель, снова шорох бумаги, – предварительный прогноз на поглощение «Фенриром» незараженных потоков крови составляет приблизительно тридцать часов. Общее состояние пациента удовлетворительное, системы функционирования без особого труда перестраиваются на «волчью» работу. Реакция на алкоголь положительная, реакция на наркотические препараты различной степени тяжести положительная, патологических заболеваний не обнаружено, генетических заболеваний не обнаружено в пределах его нормы, способность к воспроизведению пока в норме. Рана заживает, регенерация тканей происходит в соотношении с общим повышением активности «Волка». Ментальный фон не выше нормы, подверженность гипнотическим воздействиям не выше нормы, устойчивость к радиации выше нормы на три пункта...

– Довольно, – конунг кивнул. Оттар кивнул в ответ и закрыл папку. Аккуратно сложил в нее разложенные по столу бумаги.

Имя медика подземник узнал буквально несколько часов назад, как только из длинного дома коридорами и лифтами был снова доставлен в подвалы, где у северян располагалась

лаборатория. Тот был невысок, узок в кости, носат и невероятно худ, являя собой классический штамп человеческого ученого. Увидев его в первый раз, когда тот по приказу Торбранда поднялся из-за пиршественного стола, кузнец едва сдержал смех. Может мечом он и ловок, но вот на руках dwarf бы его просто изломал. Мысленно прикусив язык, Миха вдруг осознал, что невольно величает dwarfом уже и сам себя.

– Готовь окончательный анализ, – Оттар передал папку вождю, задумчиво прищурился и крутанулся на стуле, возвращаясь к своим компьютерам.

Кроме тощего викинга, кузнеца и конунга в просторной светлой лаборатории, одновременно являющейся и медицинским пунктом крепости, находились еще и раумсдальские ярлы. Викинги терпеливо занимали высокие вертящиеся кресла у свободной от приборов и машин стены, в то время как сам dwarf, буквально только что освободившийся от липких датчиков и сенсоров, полуголым сидел на высоком и холодном операционном столе. Босые, и далеко не чистые, ноги болтались высоко над стерильным полом, но спрятать их от внимательного взгляда было решительно некуда.

Миха осторожно посмотрел на северян, словно ожидая вердикта. Чувство шока все же отступило, но так и не сформировавшаяся картинка зависла, не донеся до понимания dwarfа свой ускользающий смысл, а что-либо объяснять эти люди так и не торопились. Ну, а чувство нереальности после приговора конунга, что навалилось еще в доме, было заботливо выгнано взашей ледяными присосками Оттара, жужжанием машин и всевозможными тестами, которыми этот щуплый мучил подземника, как хотел. Тогда, в башне со стоящим под железным куполом домом, после того, как сидящие за коротким столом еще раз посовещались, Торбранд сразу приказал отвести кузнеца в медицинский блок. Несколько позже явился и сам, раздав своим людям короткие и скупые приказы. Сейчас Миха постепенно приходил в себя, постаравшись смириться как минимум с ожиданием. Северяне не торопились, внимательно разглядывая крепкий торс и мускулистые длинные руки подземника.

– Из него может выйти толк, – неожиданно негромко сказал Атли в никуда. Рёрик и Торбранд слаженно кивнули, продолжая разглядывать Миху, словно скаковую лошадь, – конечно, если сбить привычные для мышц замки...

– И если усвоение сыворотки у него пойдет ровно, а не как у Эймунда отрока, например. Помнишь, конунг, что в тот раз вышло? – Рерик задумчиво почесал бороду, но в ответ Торбранд лишь уверенно покачал головой.

– Разумеется помню, но четырнадцать процентов за несколько часов...

– Как раз еще не могут ни о чем говорить... – закончил фразу Оттар, потирая длинный нос, – у Эймунда отторжение тканей началось через целых две недели.

– Воля Норн...

Конунг снова кивнул, поймал полный мольбы взгляд dwarfа, и улыбнулся.

– Хочешь спросить, dwarf? – улыбка его застыла, словно вода на морозе. – Хочешь узнать, что все это значит, да? Еще не время, коротышка. Все, что тебе сейчас полагается знать, так это то, что в течение сорока ближайших часов ты либо станешь другим, либо умрешь. И то и другое в моей власти.

Спокойный тон конунга, так неожиданно сменившего отношение к dwarfу, спокойствия последнему не добавлял. Рёрик поерзал в кресле, с ненавистью бросив взгляд на табличку, запрещающую северянам курить в лаборатории.

– И все же, какова вероятность, что вещество может дать незапрограммированный результат?

– К вашему... или его счастью, именно для dwarfа это маловероятно вообще, – не оборачиваясь, помотал головой Оттар, продолжая стучать по клавишам, – чистота породы, так сказать, практически полное отсутствие искажений человеческой сути, если не считать особенно-

стей скелета и... – тихонечко прожужжав, принтер выплюнул очередной лист, – вот, готово, – и он протянул бумагу конунгу. Сидящие рядом ярлы склонились к тому с обеих сторон.

Через минуту Торбранд поверх белого листа поднял взгляд на съевшегося на столе дверга.

– А теперь слушай меня, Михаил Жаров из сорок пятого Убежища, – тихо начал он и кузнец захотел мгновенно превратиться в букашку, – сейчас я кое-что объясню тебе, Миша и от того, как ты меня поймешь, будет зависеть как минимум одна жизнь. Знаешь, чья? Объясню как можно проще, как мы всё в этой жизни и привыкли делать, благо сейчас не в святилище находимся. Так что, надеюсь, тебе понятно будет. Но если не догонишь, смело спрашивай. Итак! Для того, чтобы умереть, ты уже видел в девять раз больше нужного, это ясно. Может ты, конечно, кузнец и хороший, но ситуация больно непростая... Все раумы, которых ты видел в Ульвборге, являются своего рода генетическими мутантами в шестом поколении. Вижу твои глаза, дверг, но мы не мутанты в привычном понимании этого слова. Так же, как и любой здравомыслящий человек или дверг, мы готовы без раздумий пускать кровь троллям, альвам, хладнорёбрым или йотунам, которых в родном для тебя мире называют Светящимися или отродьями... Много лет назад нашими предками в целях сохранения генетической целостности и выработки средств защиты от ветров Фимбульветр, что вы называете просто радиацией, была разработана сыворотка, навсегда изменившая нас, как привычных миру людей. Возможно, тебе не преподавали это в Убежище, что так славятся системами сохранения собственной крови, но число незарегистрированных изменений в физиологическом и ментальном развитии по всей Гардарике... хм, России просто зашкаливает за все разумные пределы, объективно изменяя ранее признанные человечеством границы нормы. Потому что тем, кто ставил когда-то эти границы, не приходилось переживать ядерную зиму, спасая себя и собственное потомство...

Торбранд опустил взгляд, словно невольно уносясь в прошлое, но через секунду снова заговорил. Миха почувствовал, как из глубины его души рвется на волю дикий вопль и сжал зубы.

– ...Сыворотка представляет собой сверхактивное биологическое вещество на основе чистой крови, полученной еще до Третьей войны, способное к активному размножению при попадании в благоприятную среду и подчинению ее себе. Благоприятной средой для «Фенрира» является любая незараженная кровь любой группы. Это наш дар, благодаря которому мы фактически невосприимчивы к Черным Ветрам и генетическим изменениям, но это же и... наше проклятье. Шесть поколений, Михаил, – конунг горько улыбнулся, – мы не в состоянии что-то изменить, даже если бы и пожелали.

Миха посмотрел на свои побелевшие руки и разжал вцепившиеся в края стола пальцы. Преступление, за которое любого подземника просто заживо сжигали специальные команды чистильщиков, было совершено над ним в течение каких-то двух суток. Быстро и просто, словно выкурить сигарету. Миха понял, что очень хочет покурить, что в условиях Убежища тоже каралось смертью. Торбранд внимательно читал его лицо. Или мысли?

– Ядерные годы, проведенные на поверхности, и Четвертая война дали «Волку», в конечном пике своей активности заменившему нам кровь, совершенно новые и неожиданные возможности, заставив его вторично и третично мутировать прямо в наших предках. Гены были взяты под контроль, дети больше не рождались уродами, а понятие кровосмешения приобрело единственный возможный – мистический оттенок побратимства. Но это же и вызвало к жизни ряд... особенных способностей... – Торбранд поймал взгляд Атли и кивнул, тут же меняя тему. – Теперь для полного контроля над незараженной средой, «Фенриру» необходимо не более девяти часов. Чистота крови ускоряет процесс. Назови это мутацией, назови это болезнью, но мы считаем это Даром. Мы бережем его и чтим. И называем волчьей кровью. Без этого волкам не выжить...

Если бы не введенные Оттаром перед серией тестов препараты, кузнец бы наверняка потерял сознание. Викинги, словно причудливую картинку, с интересом рассматривали бледного, как смерть, подземника.

– Может, – повернулся в сторону Торбранд, – ему еще чего-нибудь вколоть?

– А? – бросил короткий взгляд из-за монитора Отар. – Да ну, пустяк, Торбранд...

– Ну, смотри... – конунг выжидал, наблюдая, как dwarf справляется с собой.

Почти тридцать лет, ребенок от первого брака, надежды на жизнь и покой в старости, на почетное пенсионное место в Убежище, где вы все? Миха закрыл глаза, чувствуя, как начинает раскачиваться потолок. Голос конунга пробилась через пелену, словно желал добить dwarf.

– Приблизительно сорок восемь часов назад ты был, волею Норн, инфицирован «Фен-риром». Орм Змееныш, сын Вестейна, невольно смешал свою кровь с твоей, положив начало процессу поглощения. Теперь два момента. Первый – это ты, dwarf. Раумсдадьцы испокон веков, – это слово так уверенно звучало в устах Торбранда, словно северяне действительно жили на сибирской земле не менее пары веков, – были людьми. И второе – тесты Оттара указывают на стопроцентное усвоение твоей кровью нашей вакцины. Без учета, оборвется нить твоей жизни завтра или нет, так же как и не учитывая твоё желание, через сутки ты станешь одним из... – он не стал использовать такой оборот, в последний момент изменив фразу, – станешь таким же, как мы.

Словно не вслушиваясь в смысл сказанных конунгом слов, Атли широко зевнул, почесывая коротко стриженный затылок, а Рёрик потер переносицу, снова сменив позу. Миха протер горло, что удалось ему с большим трудом.

– Может... – он вздохнул, как перед спуском в обваленную шахту, – пойдём перекурим?

– О! – Рёрик оживился, привставая в кресле. – Дело говорит ведь, конунг! – складывалось впечатление, что для северян беседа происходит в отвлеченной манере и о вещах вообще второстепенных. Миха вглядывался в иссушенные ветрами лица и не понимал. Управление Убежища при решении подобных вопросов на сутки запиралось в зале совета и попробуй только пикни... А тут он с «покурить» словно в воду глядел.

– Пойдем, покурим, – чинно кивнул Торбранд, вставая, после чего поднялись и ярлы.

Вышли в высокий коридор, отошли к мусорному ведру в дальнем тупиковом конце, и Рёрик раздал сигареты. Хотя Миха и не курил, но качество табака, наверняка выращиваемого северянами самостоятельно, отметил. Хороший, крепкий. Дождавшись, пока прикурят остальные, он забрал у ярла спички и через несколько секунд с долей страха сделал несколько первых, за лет эдак двадцать, затяжек. Что теперь табу на курение тому, чья кровь по законам его дома навсегда испорчена? Кашлянул с непривычки и вспомнил, как тайно, боясь каждого шороха, смолили с дружками на нижних этажах Убежища, когда еще в школу ходил. Викинги неторопливо курили, поглядывая на dwarf. Ниже их как минимум на голову, а то и больше, подземник стоял окруженный людьми, ежась от продувающего борг сквозняка и неумело вдыхая дым, в попытке унять дрожь в руках.

– А сам-то чего сказать можешь, dwarf? – нарушил молчание Рёрик. – У нас любят, чтоб язык не хуже рук за человека ответить мог.

– Насколько я понимаю, – после недолгого молчания сказал Миха, оглядываясь на всех, – у меня есть два пути. Умереть или присоединиться к вам, – табак сделал свое дело, понизив давление и прогнав предательскую дрожь.

– Последнее непросто, – бросил в воздух Рёрик, – очень непросто...

– А что я теряю, если не смогу? – Миха почувствовал, что к нему возвращается его привычная манера неторопливо и уверенно излагать мысли. От северян это не укрылось и они обменялись снисходительными улыбками.

– Сам чего хочешь? – наконец задал самый непростой вопрос конунг, и глубоко затаился, сверху вниз рассматривая кузнеца. – Мы ведь тут тоже сейчас выбираем...

Миха открыл рот, приготовившись ответить, но замер на полувздохе. Показалось сейчас, что должна пролететь перед глазами вся жизнь, тридцать с лишком годков, комнаты и коридоры родного Убежища, лица близких, друзей, стареньких родителей, времена детства, возмужания и уверенной взрослой жизни. Пролететь, чтоб выбрать возможность была, но перед глазами только стелился ровный сигаретный дым и ничего более. Прошрое, оставшееся за изгибом реки, словно освобождало его от себя. Он поднял глаза на Торбранда.

– Остаться хочу, – сказал он и тот не ответил.

Вместо этого посмотрел на ярлов и кивнул Атли.

– Отведи его на склады, подберите одежду и обувь. Рёрик, найди... ну, Харальда, что ли. С сегодняшнего дня он присматривает за двергом. Пусть покажет борг и объяснит основы наших законов. На это ему день до вечера, после пусть приводит в длинный дом.

И обернулся к подземнику, наклоняясь, будто к ребенку.

– Слушай меня еще, кузнец Миша. Беру тебя в борг свой отроком, хоть зимами ты и не папан давно. Помни каждую секунду, что люди, что тебя сейчас окружают, равны тебе лишь по крови, но не по духу, в речах будь краток и осторожен, без спросу или нужды не делай ничего. Придет время и, если такова твоя судьба, постепенно ты узнаешь все, когда-нибудь став равным любому из нас. Не все мы тут в Раумсдале рождены, были и подобные тебе, пришлые, что сами доказывали свои права на наше родство, но как и с ними, остаться ли тебе, или навесить Хель, сейчас покажет только время... и собственное твое желание. Сроков не ставлю, но силу слова моего ты, наверное, уже узнал. Так я решил.

Миха кивнул, жадно запоминая каждое слово. И даже ни одного напominания о наказании за побег... А такое вообще возможно? А такое вообще нужно? Кузнец почувствовал, что волна исходящей от конунга власти топит его без конца. На лицах стоящих рядом с Торбрандом ярлов отчетливо читались их мнения. Рёрик – в некотором замешательстве, но согласен. На лице Атли – смешанная с безразличием неприязнь.

IX

Рубаха была сшита на руках и, разглядывая намеренно грубые стежки толстой шерстяной нитки, кузнец понял, что это сделано далеко не от отсутствия швейных машин. Просто так было надо.

Он еще раз осмотрел себя, улыбаясь новому виду – зеленая рубаха с широкой черной тесьмой по краю, одевающаяся, как и рубахи остальных, прямо через голову, стандартные армейские штаны черного цвета, кармашки, замочки разные. Кожаный пояс, на котором пока еще ничего не висело, и высокие армейские же ботинки на шнуровке. Тоже черные. Без узора.

Миха нахмурился, вспоминая, как фыркнул презрительно Атли, когда подземник поинтересовался, почему у него не такая же, как у всех в борге обувь. Нужно будет у кого-нибудь поговорчивее узнать... Вспомнил так же и ругань ярла, когда целые тюки белья летели на пол, а тот все лазил без продыху по полкам, пытаясь найти и подобрать нужный размер. Маленький рост, маленькая нога, ушитые в ростовку штаны, но ширина плеч... Миха выпрямился, чувствуя, как предупредительно натянулась на спине рубаха.

За поворотом послышались негромкие шаги и через мгновение в коридоре, посверкивая золотой серьгой, появился Харальд. Меч на поясе похлопывал его по бедру в такт ходьбы. Улыбнулся, разглядывая сидящего на скамье дверга, и подошел.

– Меня зовут Харальд, и моим отцом был Асгейр, – чинно произнес он, внимательно осматривая одежду кузнеца с ног до головы, – значит, конунг все же решил оставить тебя в борге?..

– Меня зовут Ми...

– Тебя зовут – дверг, – резко, но без злобы в голосе перебил северянин, – твоего старого имени больше не существует, как и самого тебя. Пойдем, – приказал он, и подземник безропотно подчинился. Они направились по коридору, что по подсчетам Михаила пролегал на самом близком к поверхности этаже подземелья, – я покажу тебе наш борг и объясню некоторые основные вещи, что бы ты не был убит в первый же вечер. С чего хочешь начать?

– С кузни, – улыбнулся Миха, и Харальд дружелюбно улыбнулся в ответ.

– Я не ожидал другого ответа, – они вышли к широкой лестнице и покинули подземные этажи. Уверенно ориентируясь в железных лабиринтах крепости, викинг вел дверга вперед.

– Все это называется Ульвборг, Волчья Крепость и построена она приблизительно посередине всех земель, контролируемых раумсдальцами в округе...

– Это много?

– Приблизительно сорок на сорок километров, – Харальд, как проследил дверг, совершенно не напрягался, когда вопросы кузнеца перебивали его речь, – она была заложена очень давно, во времена Первого Хаоса, после Третьей Мировой, и с тех пор постоянно достраивается. Мы любим уют и чтобы все было под рукой, так что периодически появляются новые пристройки. Тут есть оранжереи, закрытые огороды, цеха, гаражи, а недавно мы пристроили небольшой рыбный бассейн...

– На этих... раумсдальских землях, еще кто-нибудь живет?

– Конечно! – Харальд пожал плечами. – И немало. Колхозы и поселения, попадающие под нашу защиту, во всех окрестных землях уже лет сто, как самые богатые и процветающие...

– Платят?

– Обязательно. Кроме нас тут нет и уже давно не было силы, способной удержать северных троллей, бродячие банды или альвов. Страндхуг, или налоги, если угодно, стали обязательной и неотъемлемой частью существования этих бондов.

– Вы часто сражаетесь?

Харальд хохотнул и даже на секунду остановился.

– Всю свою жизнь, – просто ответил он и Миха понял, что это правда, – за время, что стоит борг, тролли даже трижды брали его в осаду, пытаясь ворваться внутрь, но, конечно же, теперь все они у Хель...

– Почему ты так говоришь? – Миха остановился, отставая от рослого и длинноногого воина, и осознал, что даже немного запыхался. – Почему вы все тут так странно говорите? Вы русские, разговариваете по-русски, живете на русской земле, но ведете себя еще страннее, чем Миссионеры. Вы называете себя странными именами, используете странные обороты, вы меняете названия вещей! Кроме измененной крови вы умудрились изменить и сам русский дух! Почему? Почему я должен поступать так же?!

– Потому что мы викинги, – Харальд остановился и обернулся назад, – пойдем, тут за поворотом должны быть лавки, если наши по пьянке не утащили их в другое место. Такие вещи нельзя рассказывать на ходу.

Они свернули, попав в широкий холл, посередине которого прямо из жестяного пола росли посаженные в кадку кусты. Рядом с пятном зелени на фоне серого железа стояли две потертые деревянные лавки. Харальд сел, жестом приглашая и кузнеца.

– Это действительно долгая история, дверг, но если ты хочешь ее знать, я не могу молчать о своем прошлом. Люди часто меняют свой быт, среду жизни и образ мыслей, в попытке догнать нечто более ценное и... родное. То, к чему рвется душа, где бы и в какое время бы они не рождались. Когда-то давно, еще задолго до начала Третьей Мировой войны, в Новосибирске, один из многих подобных, существовал некий круг людей, совершенно не скрывающий от остальных собственных интересов, чьей судьбой были викинги, могучие воины древнего и все, что их окружало. В попытке хоть ненадолго убежать от своего серого мира они изучали

жизнь далеких и далеко не своих предков, впитывали в себя их быт, взгляды на вещи, Богов, картину Вселенной и могучий, неспособный сломаться дух севера. Оставшиеся нам в наследство материалы говорят, что это были взрослые, сильные, веселые и уверенные в себе люди, вполне вписывающиеся в настоящую жизнь, не теряя при этом крупниц прошлого. Они работали, учились, рожали детей, строили дома, сажали деревья и писали книги...

Харальд улыбнулся, но Миха не ухватил шутку, даже не изменившись в лице.

– Хм... ну и вот. Общая идея и крыло ворона сплотили их, создав прочное и дружное общество... даже братство, пожалуй. А когда подросло второе поколение, вполне ожидаемо началась Третья Мировая с ее бомбами, эвакуациями и многотысячными смертями. Раумсдальцы собрали семьи и ушли на север, осев в этих самых землях, куда почти не докатывалось дыхание радиации. Они построили Ульвборг, тогда еще молодой и неукрепленный, приготовившись проститься с прошлым, как простился с ним и ты сегодня утром. Среди них были ученые и инженеры, историки, врачи и плотники, сапожники и психологи, люди, верящие в свои силы, строившие новый дом для новых детей.

Харальд достал из кармана на штанах сигареты и спички, прикурил, не предлагая кузнецу, и прищурился на огонек, медленно выпуская изо рта дым. Протянул руку к груди, касаясь чего-то, висящего под рубахой, и потер левое запястье, на котором Михаил только сейчас разглядел массивный медный браслет.

– А теперь представь себе, дверг, переселенцев или колхозников, с неожиданно навалившейся на них войной, что принесла хаос, анархию и переоценку ценностей. Когда за кусок мяса убивали, а картошка, на которой счетчик не зашкаливал выше половины, ценилась на вес золота. За что было хвататься этим толпам россиян, как говоришь ты, и при нормальной-то жизни не имевшим ничего? Русский дух, о котором ты говоришь – где он был тогда? Почему не уберег этих людей в здравом уме? Только Убежища, не хуже нашей вакцины изменившие человеческий облик навсегда, и могли хвастать чем-то подобным. А теперь представь себе всех этих охваченных безумием раздора людей и узри среди них моих предков. Живущие по старинным и простым законам, даже среди машин и городского предвоенного шума действительно готовые сражаться за древних и полузабытых Богов, теперь они стали лишь крепче. Они научились убивать. Они научились быть сильными из сильнейших не только в играх и грезах. Они отстояли свои семьи и право на эти земли у обезумевшей и озверевшей черни.

Харальд некоторое время курил молча, словно не замечая сидящего рядом дверга, пальцами крутя на запястье браслет. Миха терпеливо ждал.

– Это были тяжелые времена. Экспедиции по добыче полезных и ценных вещей, следов прошлого, помогли нам стать оснащенными и не растерять знания. Умение драться, доведенное до совершенства, помогло нам выжить. Взятые по нашим законам чужие женщины не позволили нам и нашим родам умереть. Как раз где-то в те времена один из раумов по имени Хальвбьёрн и разработал «Фенрира», что навсегда отделило моих, и без того отделенных, предков от всего остального человечества. Потом, когда уже невольно зазвучали первые речи о возвращении в едва тронутый войной и беспорядками Новосибирск, а на руках росло новое поколение раумов, началась Четвертая и самая беспощадная война, после которой даже на сибирские леса лег вечный снег. А когда в обескровленном человеческом мире прекратили взрываться последние бомбы, земля эта изменилась уже навсегда. Через тридцать лет тут появились существа, только по первому взгляду похожие на людей, что живут тут и по сей день, и это не говоря уже о животных. Снега стояли, а борг продолжал стоять, и теперь, дверг, это полностью наша земля.

Харальд замолчал снова и Миха, с неожиданно пришедшим изнутри светом наконец-то увидел картину целиком. Увидел и понял, что больше нет нужды ни спрашивать, ни удивляться.

– Ты вот спросил меня, дверг, – Харальд повернулся, задев его ногу ножами меча, – почему ты должен становиться таким же? И я отвечу – если ты наш по духу, ты начнешь жить по законам хранящих нас Богов и сам того не заметив, но если же нет... – Харальд улыбнулся, но в глазах его ревел ледяной ветер.

– Иногда... – сказал кузнец, – я вижу картины... слова и их значения, – Харальд непонимающе нахмурился, – ну, например корабль... драккар, на котором мы пришли в крепость, называется Скидбладнир, но знать этого раньше я не мог точно...

– Генетическая память, это следы воздействия на твой организм вакцины, – кивнул викинг, – это поможет тебе быстрее стать одним из нас...

– Но почему викинги, почему далекие северяне? Почему не русичи, не потомки Ермака, не татары, наконец?.. – Миха потер лоб, словно вспоминая.

– А ты спроси у людей, когда-то создавших Раумсдаль, дверг. А еще спроси у вещей Норн и мудрых Асов, – усмехнулся Харальд, – идем, мы засиделись, – он потушил окурок о подошву ботинка и убрал в карман, – я обещал показать тебе кузню.

Х

Кузня, она же машинный цех невероятной длины, полого уходящий в глубину холма, была пустынна и холодна. Темный узкий зал, освещенный редкими светильниками высоко под потолком, был заставлен громоздкими силуэтами станков и приборов. Харальд провел подземника внутрь, щелкнул на рубильнике, добавляя ламп, и подошел, озираясь, как и сам Миха. В помещении, как по большей части и во всем борге, не было ни одного окна.

– Я и сам-то здесь нечасто бываю, – в хлынувшем на цех свете кузнец наконец-то рассмотрел его внимательно, – в основном у нас тут умельцы возятся, да несколько трэлей особо сноровистых.

Очень неплохо, подумал Миха, медленно обходя зал. С мощностями Убежища, даже самого захудалого, конечно не сравнить, но для группы отчаянных гражданских, ушедших на север и умудрившихся накопить такой вот потенциал... Наверняка, не один окрестный завод в тяжелые дни войны пережил их визит.

Токарные станки, фрезеровочные, несколько горнов, старинный электрический молот, пилы, сверильные установки. Несколько станков для литья бронзы и латуни, сварочные аппараты, резак. Действительно, неплохо. Размещенный на стене более мелкий инструмент тоже впечатлял немалым разнообразием. Миха почувствовал легкий укол из прошлого, не больше, когда взгляд коснулся разнообразных молотов, расставленных у горна, и развешанных вдоль стены толстых кузнечных фартуков.

– Тут цех громкой и громоздкой работы, – Харальд обвел рукой станки, – любаяковка, клепка, варка и так далее, дальше места для чего-то поспокойнее. Например, вот тут Орм всем нам шьет обувь, – Миха осмотрел рабочее место сапожника и невольно бросил взгляд на собственные ботинки, немедленно перехваченный Харальдом, – да, да, и эти тоже его работы, как почти все в борге. Тут у нас склады: железо, дерево, пластик, уголь... Тут, как видишь, рабочие позиции для починки транспортов, а вот сюда для капитального ремонта при желании можно затащить даже дракку. В общем, если честно, тебе лучше с Бьёрном пообщаться, он у нас тут за старшего, а я-то толком и не знаю ничего. Тут вот он ювелирными вещами занимается, фибулы для плащей и рубах куёт, амулеты... А по мощностям? Ну, ножи, саксы, мечи тут делают, любые инструменты, тут вот патроны для охотничьих калибров, дробь... Потом сам разберешься.

Миха остановился у холодного и погруженного в темноту горна, заглянул в вентиляционную вытяжку, чей хвост убежал в потолок. Потрогал пальцем золу, поднес к лицу, понюхал. Харальд с интересом наблюдал за его действиями.

– А мечи вам кто делал? – он кивнул в сторону оружия.

– Это старые вещи, едва ли не все они были сделаны Рёгином кузнецом, еще зим шестьдесят назад.

– Я видел его в доме?

– Он у Одина...

Миха вопросительно поднял бровь.

– Он погиб, – пояснил Харальд, – пал в битве с альвами девять зим назад и отправился в чертоги Вальхаллы пировать с Отцом Воинов в ожидании последней битвы Богов и Людей.

– И часто у вас в Раумсдале так?

– Не понял? – теперь настала очередь удивляться Харальду.

– Ну, в смысле гибнут...

– Нет, – честно, без бравადы ответил северянин, – потеря каждого из раумсдальцев – невосполнимая, огромная потеря, а значит и следим за этим в оба глаза. У каждого в хирде напарник, а то и побратим есть, вторая спина, на том и держимся. Так, изредка кто в битве по воле Одноглазого останется, да вот еще в позапрошлую зиму Снорри Коротышка убится. Невысокий был такой, на тебя чем-то похожий, шустрый. А потом после пира полез как-то пьяный на главную башню стрелять ворон из лука и упал, прямо во двор тинга, да еще и на камень. Голову в плечи целиком вогнал... Да еще ведунья Ингрид из леса как-то по морозам не вернулась...

– А уходить... уходить от вас кому-нибудь доводилось? – задал обжигающий губы вопрос Михе, и сердце тревожно заколотилось, готовое лопнуть. Харальд пожал плечами, помотал головой.

– Был один такой, Торгейром звали, из хорошего рода, так вот он ушел шесть зим назад... На запад, вроде за Урал даже. И никто ничего не слышал о нем с тех пор. Почитай, что убили, – Харальд покривился, словно пробуя неприятную тему на вкус.

– Сам ушел? – осторожно продолжил подземник, но Харальд внезапно поймал его взгляд.

– Нет! – отчеканил, словно по железу, бросив в лицо Михаила звонкое эхо.

– А за что прогнали?

– Таких вопросов, кузнец, – Харальд хищно прищурился, хрустнув пальцами, – запомни – не задают! Да и ответить на них, это тебе не весло на ладью обстругать... Оставим, – он повернулся к наковальне, закрывая тему, – а мечи? Сейчас мы едва ли в состоянии делать хорошие мечи. Были не в состоянии. Ты ведь сможешь сделать такой?

– Попробовать можно, – Михе облизнул губы, успокаивая разыгравшееся сердце и осторожно качнул головой, – но начать нужно с малого. С ножа, например, или с этого, как его... скрамасакса. Нож я могу сделать хоть сегодня, был опыт. Для пробы сил, так сказать, но меч... Потом посмотреть ваши запасы железа, качество угля, мощность горна. Ты говоришь, Бьёрн смог бы мне помочь – кто это?

– Это такой толстый дядька в очках, который постоянно обтачивает напильником свои игрушки. Знаешь, он просто повернут на вырезании фигурок к кнейфотафлю, скандинавским шахматам, – Михе кивнул, вспоминая пулеметчика со странным взглядом, что-то колулавшего за столом в доме, – довольно неплохо разбирается в литье и ковке, делает хорошие украшения, но до Рёгина ему всегда было далеко...

– А дай-ка посмотреть, – Михе, уже погрузившись в особенности закалки длинных слоев железа при изготовлении меча, к своему счастью не видел глаз Харальда, безмятежно протягивая руку в сторону его оружия.

– Я еще раз прошу тебя, дверг, – кузнец вздрогнул, сбрасывая облако уносящих его далеко мыслей, и едва не отшатнулся от викинга, – самый последний раз за незнание наших законов, но если ты еще хоть единожды сделаешь нечто подобное в отношении любого из раумов, можешь заранее готовить погребальную лодку, – дверг не шевелился, внимательно следя

за губами северянина. – Меч, это твоя душа, меч – это то, что отличает тебя от любого другого, созданного в Мидгарде более слабым, меч – это даже больше, чем символ воина и свободного человека. Чтобы заслужить опоясывание мечом, тебе еще нужно доказать, что ты мужчина и боец. Только воин, погибший в битве с мечом в руке, попадает к Одноглазому Одину в палаты Вальхаллы, где пятьсот сорок дверей. Меч – это больше, чем твой побратим – это часть самого тебя, рожденная в железе. Ты можешь иметь хоть три автомата и быть отличным воином, но именно оплаченный кровью меч поднимает тебя над всеми лучшими воинами этого мира. Его не обнажают без нужды, его не дают посмотреть для праздного любопытства. Так верили наши предки, так верим и мы. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Миха кивнул, прочищая пересохшее горло, а Харальд, удовлетворенный произведенным эффектом, улыбнулся. На соседних с раумсдальскими землями ярмарках даже любой умственно отсталый давно знал, что не стоит просить у северянина рассмотреть его странное оружие.

– Только потому, что ты кузнец, – сказал он и в один миг, едва замеченный двергом, вырвал из ножен сверкающий меч. Крутанул, разрубая воздух, перевернул, осторожно и бережно придерживая пальцами за клинок, и протянул Михаилу. Медленно, с едва сдерживаемым благоговением, тот принял оружие, внимательно рассматривая конструкцию.

Меч был недлинным, не более семидесяти сантиметров, широкий у основания и практически не сужавшийся к шпигу. Короткий гард-крестовина, короткая одноручная рукоять, оплетенная кожей, и массивное навершие-голова, составленная из трех полусфер на единой платформе. Заточка отменная, не та, наверняка, что была у настоящих мечей, какими брони крушили. Пока кузнец разглядывал покрывающий почти все лезвие дол-кровосток, Харальд сказал:

– Это реконструкция настоящего скандинавского меча девятого века, как и у каждого из нас. Единственное, что отличает его от своих древних братьев, так это лишь технология изготовления, – слушая северянина, Миха не отрывал взгляда от меча. Хорошая работа, очень хорошая. Слои закалки, заточка, выдержка, правка зазубрин, посадка съемных частей, баланс и общий вес. Делал мастер. Он перевернул клинок, рассматривая странные письмена, покрывавшие его на обратной стороне, и приготовился спросить, но Харальд уже требовательно протягивал руку к мечу. Словно и минуту простоять без него не мог...

Миха протянул оружие хозяину, тот осторожно обтер клинок краем рубахи и спрятал в ножны. А уж сколько дрались этим мечом! Не раз. И даже не сто. Кузнец покачал головой, всем своим видом демонстрируя высочайшую оценку меча. Если Рёгин, что был до него, делал такие вещи, обойти его в качестве будет нелегко. Но ведь Рёгин не был мастером-подземником, двергом, как говорят раумы.

– Это будет нелегко, – честно признался он, и Харальд кивнул в ответ, – но я попробую. Меч, это не просто длинный нож... А что такое Вальхалла, Харальд?

– Когда придет час, ты спросишь об этом у конунга, дверг, – странно ответил тот и направился к выходу, – тогда ты получишь ответ даже на те вопросы, которых не задавал. А сейчас идем, я покажу тебе наш арсенал.

Они покинули цеха через другие двери, предварительно погасив свет, поднялись по винтовой лестнице на пару этажей вверх и свернули в направлении центральной башни.

– Личное оружие каждого, как ты видел, хранится в его личном месте, в длинном доме, где, если решит конунг, будешь жить и ты, но склады трофейного или просто запасного мы держим в оружейном сарае. Это вот здесь, подожди на месте, – викинг оставил Миху в коротком коридоре, упирающемся в массивную дверь, а сам прошел вперед, колдуя над пультом доступа, – если тебе будет нужен любой образец, он хранится тут. Все, подходи.

Кузнец прошел вперед и нырнул за Харальдом в проем разошедшейся в стены двери. Над длинными стеллажами автоматически зажглись лампы. Хороший генератор, должно быть, стоял под Ульвборгом.

Говорить, что в оружейном сарае, как его окрестил Харальд, было много оружия, значит не сказать толком ничего. Его было там просто невероятно много. Разложенное по полкам, развешанное по стенам, и просто сваленное в кучи на полу. Тут были самые различные ножи, кожаные сбруи, подобно той, что была у Володьки, топоры и секиры, копья и метательные дротики, арбалеты всех модификаций и луки с полными колчанами стрел, отложенные в отдельное почетное место мечи, целые и пробитые доспехи, кольчуги и шлемы. Каски спецназа, бронежилеты разной длины и мощности, винтовки, автоматы, пара пулеметов, пистолеты и целый стеллаж охотничьего оружия, коробки с патронами, мешки дробы и гильз, несколько деревянных бочек с настоящим черным порохом, защитные наручи и поножи, армированные боевые ботинки. Сумки под боеприпасы, полевые аптечки, противогазы, костюмы радиационной защиты, приборы ночного видения, снайперские прицелы, фонари разных размеров, химические факелы, гранаты в фанерных ящиках, промышленная взрывчатка, станковый миномет, демонтированная танковая пушка и ровные ряды снарядов к ней. По полкам были в беспорядке раскиданы даже кастеты, причудливые топоры и наконечники копий отродьев, а также целый арсенал самодельного оружия примерно последних ста зим.

Миха остановился в центре зала, чувствуя как разбегаются глаза, а Харальд замер у порога, скрестив руки на груди и старательно не допуская на лицо улыбку. Такое может выбить из колеи даже боевого генерала...

– Возможно, – сказал он, прислушиваясь к эху собственного голоса, – когда-нибудь ты тоже придешь сюда выбирать оружие и доспехи. Для себя.

Миха кивнул, или ему только показалось, что он кивнул. Оцепенев, он вдруг поймал себя на мысли, что ему вновь неимоверно стыдно за то, с каким трепетом и уважением он рассматривал когда-то контрабандистов Юрика, втайне желая быть похожим на них. А следом пришла другая мысль, на глазах превращающаяся в цель – остаться здесь навсегда, стать таким же, как стоящий за спиной воин, и однажды действительно прийти в оружейный сарай, как один из равных. Новый стыд и чувство нереальности мыслей заставили его вернуться в реальный мир и продолжить рассматривание стеллажей, но от внимательно наблюдавшего Харальда не укрылись охватившие дверга переживания. Такое он уже видел...

Кузнец еще немного побродил среди полок, прикасаясь к горам оружия, и прошел к выходу.

– Впечатляет, – сказал он, справляясь с собой.

– Идем, – Харальд пропустил дверга вперед и закрыл дверь, – теперь гараж.

Однообразные коридоры, по которым они шли в северную часть борга, были пустынные, как и все, виденные Михой до этого. Прислушиваясь к царящей в крепости тишине, он спросил:

– Я еще не встретил ни одной собаки? Даже у нас в Убежищах были специальные породы, а тут...

– Собакам не ужиться с более грозными хищниками, – загадочно ответил викинг, – да и не нужно.

– Мы никого не встречаем на пути, сколько же вообще народу живет здесь?

– Почти двадцать дружинников, – Харальд прикинул в уме, – ты видел нас всех в доме конунга, человек двадцать пять прислуги, плюс тюрьма, а это еще примерно десять существ. Считай сам.

– То есть, – кузнец удивленно посмотрел на северянина, – пока вы в стельку напивались на пиру, на сторожевых башнях никого не было?

– Нет.

– И за тюрьмой, за трэлями тоже никто не присматривал?

– Нет.

Миха подавленно замолчал. Как можно выжить в подобном отношении к собственной безопасности, прославив самыми грозными воинами на север от Зеленого Мыса? А если трэли задумают отпустить этих существ, как сказал Харальд, или пройти с ножами по спящим викингам? Миха приготовился задать полный негодования вопрос, но воин, казалось, дословно прочел его мысли и опередил с ответом.

– Еще никому из редких желающих не удавалось бежать из борга, пароли доступа в закрытые блоки, вроде тюрьмы, исключительно индивидуальны, любой мятеж трэлей подавляется настолько жестоко, что у выживших вообще пропадает способность думать, а подойти к спящему рауму с ножом просто невозможно. На башнях электронные дозоры, радары, сканеры и снаружи целый ряд систем наблюдения вокруг крепости. Мы не дремлем, дверг.

– Но к пьяному рауму возможно подъехать даже на танке!

– Это так, кузнец, – Харальд немного покраснел и смущенно улыбнулся, – и у нас бывают недостатки... Но запомни – водка, это чистейшая энергия, а зачастую просто нет иной возможности восполнить понесенные за день затраты. Но мы напиваемся крайне незапланированно, так что угадать практически нереально.

– Но...

– Кроме того, оружие всегда под рукой.

– Чего же вы вообще напиваетесь до такой... усрачки?.. Ни разу не попадали врасплох?

– Хорошо, дверг, – Харальд опять остановился, что означало, что Михаилу снова предстоит узнать нечто важное, – вероятно, ты уже готов к новым знаниям... Скажи, ты хочешь спать?

– Да что вы все со своими?.. – Миха осекся на полуслове, невольно внутренним взором осмотрев себя. Да, действительно, северяне как один задают тот же вопрос, но не поиздеваться ведь они решили?.. Усталости не было, словно кузнец спал буквально этой ночью. Холодный рыбий хвост отгадки опять блеснул в заводях разума. Отдохнувшие мышцы, ясный, готовый запоминать и работать мозг. Он не хотел спать. И голос конунга – последний раз ты спал больше суток назад... Теперь уже значительно больше, ну и что?

– Больше ты никогда не уснешь в привычных тебе обстоятельствах, – как новый приговор, – это еще одна особенность «Фенрира», проявившаяся после вторичной мутации сыворотки, лишая нас сна, награждать двойной жизнью и днем и нескончаемой ночью, проживать вдвое больше других. Почти бессмертие, только локальное. Ты можешь дремать, бодрствовать с закрытыми глазами, но погрузиться в обычный сон не волен. В течение суток «Фенрир» проводит полное самообновление клеток крови, что, кстати, исключает и переливание тебе чистой крови в попытке освободиться, создавая эффект обновления всего тела целиком. Вначале ты, конечно, будешь чувствовать легкую усталость, понижение давления, ложную сонливость, и это будет происходить примерно дважды в сутки минут по десять-пятнадцать, но к концу осени адаптируешься полностью, уверяю. Усталость, как таковая, никуда не исчезает, но она больше не станет клонить тебя ко сну. Разумеется, чтобы не сорвать мышцы в иллюзии перегрузки нам всем необходим отдых, расслабление на несколько часов, медитации, если хочешь. Но сон, это лишь еще одна вещь, с которой «Фенрир» заставил тебя проститься... – Харальд пожал плечами.

– В кого же вы меня превратили? – спросил Миха, чувствуя, как увлажняются ладони.

– В супервоина, в человека, способного за сутки пройти восемьдесят километров, отдохнуть пять часов и пойти дальше. В работника, производительность которого возрастает ровно вдвое. В дозорного, не способного задремать и подвести под нож весь хирд. В терпеливого наблюдателя, сидящего в засаде больше сорока часов... Мы знаем, за что заплатили. А пьянки? – Харальд глубоко вздохнул, поднимая глаза к потолку и словно вспоминая. –

Это уже наша слабость. Ты вечно бодрствуешь, обманывая тело короткими отдыхами, никому не нужными кроватями и подушками, играми в сон, но так и не можешь отвыкнуть от желания попасть туда, где тебя как такового нет. Где мысли растворяются, словно капля в Мировом Океане, и тебя несет по воле волн. В настоящее сновидение, в мир грез и духов, в забытье, что хоть на несколько часов отнимет у тебя этот жесткий мир, заменив его чарующими образами...

Харальд опустил взгляд, выждал несколько секунд и прыснул, краснея.

– На самом деле это не я такой романтик, это слова конунга... Мы напиваемся, чтобы хоть иногда иметь возможность отключаться, подобно нормальным людям. Пошли, дверг, а то прирастешь к полу, тут конюшня уже в двух шагах.

XI

Северянин провел дверга дальше, к самым северным строениям, миновав склады и холодильные установки, возле которых ненадолго задержался, чтобы дать пояснения. Лестницы, проходы, ряды дверей и ответвления коридора – Харальд явно уменьшил расстояние до гаража. Несколько раз они выходили на воздух, пересекая тесные внутренние дворики крепости, после чего снова уходили в полутемные и сырые коридоры. Солнышко ныряло в огороженные железом карманы, бликуя на воде искусственных водоемов, и старательно прогревало построенные вокруг них скамьи; в одном таком дворе Миха попросился посидеть, с трудом переваривая вываленные на него викингом новости.

Харальд пожал плечами, падая на теплую лавку, и поднял лицо к виднеющемуся среди башенок небу, доставая сигареты. Миха, плеснув в лицо водой из обнесенного камешками декоративного бассейна, присел рядом. Странное щемящее чувство, название которому он дать не мог, захватило его полностью, мешая нормально мыслить; все оттенки отвращения, нереальной отчужденности, бесконечного фатализма и предрешенности его дальнейшей судьбы смешались воедино в безобразное варево, выхода из которого он пока увидеть не мог.

– Это временно, дверг, – втягивая сигаретный дым, качнул головой Харальд, но Миха не слышал его, внимательно всматриваясь внутрь себя, измененного, незнакомого, наполненного чужими прихотями и законами, – не все из тех, кого ты видел, родились в этом борге и по праву рождения вошли в хирд конунга. Вот тот же Орм, например, чуть больше семи зим назад, или Хельги немногим позже. Эти люди попадали сюда по различными причинами, но доказав свой дух, оставались здесь по одной и той же. А очищение крови перед введением «Фенрира» – пустяк. А с тобой даже проще – кровь двергов всегда славилась чистотой... Сначала в отроки, потом опоясывание мечом, потом младший хирд и право заслужить...

– Но они делали это добровольно... – выдохнул Михаил, так и не дослушав важного.

– На все воля Норн, – передернул плечами северянин, косо поглядывая на съездившегося рядом кузнеца.

– А вы, рожденные тут, как же вы продолжаете существование? Клонируетесь?

– Осторожнее, отрок, – предостерег Харальд, – твой язык может сослужить дурную службу твоей голове... На нижних этажах подземелья жилые помещения. Там живут жены и наложницы, способные рожать детей...

– Но таким образом вас должно становиться все больше?..

– Слабых и грязных кровью детей мы уносим в лес, – в очередной раз заставил задохнуться кузнеца Харальд, – остальные растут под присмотром матерей и старых воинов, уже не способных ходить в вик. А как часто кто-то из нас отправляется к Одину, это ты уже, наверное, понял...

Чужие мотивы, чужие жизни... Миха постарался дышать ровнее, прикрыл глаза, сосредоточился. У человечества, вот уже как лет сто разбившегося на крохотные островки само-

стоятельного выживания, давно не существует единого понятия жестокости. Просто к этому нужно привыкнуть, выбравшись из не менее бессердечных подземелий под блеклое солнце поверхности.

– Почему же я не видел ваших женщин? – наконец справился с собой он.

– Тётки не допускаются наверх, за исключением редких случаев. В борге отведены покои, где они могут некоторое время пожить со своими мужчинами, у них есть собственное крыло для выхода на поверхность, но боевое братство не допускает их в свою постоянную жизнь. Это разжижает кровь, дверг... Ну и еще Герд, понятно.

– Герд? Это та, которую я видел за общим столом в доме? – Харальд кивнул. – Она и есть то самое исключение?

– Точно. Но Герд его полностью заслуживает, поверь... Очень непросто, знаешь ли, жить в толпе отмороженных мужиков, быть неплохим воином и суметь при этом совершенно не потерять собственную женственность, растворившись в хирде... Она нам как сестра.

Подземник вздохнул.

– Не знаю, смогу ли я принять все это...

– Сможешь. Покуришь?

– Да, наверное, – Миха забрал у северянина окурочек и жадно затянулся, закашлявшись.

Посидели, наблюдая за проплывающими над двориком облаками.

– Я тоже стану викингом? – в ответ Харальд незло усмехнулся.

– Викинг – это профессия, дверг. Станешь ходить в вик, поход войны и торговли, станешь и так называться. Пойдем, мы можем не успеть все осмотреть до вечернего пира.

До гаража дошли молча – Миха больше не задавал вопросов, всю оставшуюся дорогу медленно переваривая полученное от Харальда. Сейчас подземник испытывал абсолютно такое же чувство, какое однажды пережил, попав в завал в одной из глубинных шахт Убежища. Обрезанные назад дороги, тьма и медленно утекающий из аварийного баллона кислород. Очнулся дверг уже в темном зале ангара от легкого тычка в плечо.

– Обалдеть... – еще не окончательно реанимировав собственные переживания, только и умудрился сказать он, во все стороны вертя головой и не переставая оглядываться на викинга круглыми от удивления глазами. – Откуда? Где вы, в конце концов, на весь этот парк бензин берете? Харальд, это ж целое богатство! Стоит об этом узнать хоть одной мало-мальски подготовленной группировке от Новосибирска до Томска, и вам придется туго! – смешанные с сырыми эмоциями слова буквально посыпались из подземника, когда он двинулся вперед между машинами.

– Да, в общем-то, у нас и сейчас жизнь не сахар, дверг, а про богатства наши многие знают... – пожал плечами и улыбнулся его проводник. – А бензин торгуем, у нас среди цыган даже свои поставщики постоянные есть. Ну и, кроме того, мы землей реже пользуемся, в основном горючка необходима двигателям драккаров.

Конечно, в Убежищах тоже старались сохранять машинные парки, причем встречались даже образцы, выжившие еще со времен Третьей войны. Но в основном они были законсервированы для потомков, а пользовались только добывающими машинами, бурильными установками, да, пожалуй, иногда в караван на ярмарку по паре грузовиков отправляли. А тут! Нет, наверняка северяне тоже не всем этим перед обнищавшим миром щеголяли, но покрытых пылью и заляпанных грязью машин все равно было не меньше десятка. Грузовик, два обшитых листами жести багги, похожие на машину контрабандистов, старинный легковой автомобиль, пара армейских джипов времен последней войны, переделанный в передвижную крепость автобус и даже несколько мотоциклов – длинных, дерзких и сверкающих хромом.

Миха прошел по рядам, прикасаясь руками к зачехленным в брезент машинам, бросил придиричивый взгляд на мощные бронированные ворота ангара, выходящие из борга на восток,

свернул за автобус. И замер, не в состоянии произнести ни слова. Харальд, бесшумно подошедший из-за спины, пояснил.

– Это Слейпнир, волшебный восьминогий конь Одина, отца мудрости и побед. Именно на нем владыка Асгарда ходит в битву и объезжает свои владения. Тот, кто называл эту машину так, угадал в самую точку, не забыв и о почтении к Асам...

Миха подошел поближе, нерешительно, словно к миражу протягивая руки. Четыре оси, восемь здоровенных шипованных колес, темно-зеленая армейская броня и крохотная пулеметная башенка на крыше, ближе к вздернутому носу. Бронетранспортер. Настоящий, побитый, потертый, стрелянный. Отвернувшись от БТРа, подземник восхищенно кивнул викингу.

– Морской гараж, соответственно, ближе к реке. Два драккара, на одном из которых тебя привезли в Ульвборг, весельные лодки, старые моторные лодки... Потом как-нибудь там тоже побываешь. Ты водить-то машину умеешь?

– Пару раз работал на экскаваторе, но ведь там совсем другое... А вообще у меня с техникой все нормально.

– Хорошо, посмотрим, – викинг в задумчивости покусал губу, пропустил Миху в двери и закрыл их, – куда теперь? – дверг пожал плечами – тебе, мол, виднее – и Харальд решительно кивнул. – Пожалуй, если уж ты действительно должен приобщиться к новому видению мира, это тебе стоит увидеть в первую очередь...

Они снова двинулись по коридорам борга, иногда проходя по местам, которые Миха уже начал узнавать. Вот тут тоннель к длинному дому, туда спуск в подземелья, это к мастерским, а это во дворики. Изредка они встречали раумсдальцев, сочувствующе улыбающихся Харальду и его спутнику.

– А где остальные?

– Наверное, смотрят корабль после вика и разбирают трофеи. Еще объясняют новым трэлям, – Миха невольно вздрогнул, а плечо кольнуло, – как нужно себя вести, следят за приготовлением ужина, может конунг кого и к женам отпустил... По большому счету, сегодня пустой день.

– Нет, ну как?! – вдруг снова взбунтовалась сущность подземника. – Скажи, как вы умудряетесь жить тут, воевать направо и налево, гонять Светящихся, наживать врагов среди людей, брать рабов и жен на стороне, оставаться при этом какими-то... – Миха с удовлетворением почувствовал, как приходит на ум нужное словно, – расистами! Бухать, словно сапожники, и продолжать хранить Линию, как мы говорим... говорили дома?! Ладно Убежища, так там контакты с Внешним Миром вообще сведены к минимуму, жесточайшие законы и контроль; ладно Миссии Христа, которых со времен войны в России не так уж и мало, и то их периодически громят; ладно берлоги и лагеря сброда, колхозы там, штабы банд, они хоть живут в одной плоскости, но вы! Как?!

– Я отвечу, только если ты, дверг, – парировал Харальд, даже не сбившись с шага, – расскажешь мне, как можно выжить в борге на протяжении почти десяти лет, имея лишь двух боеспособных мужиков, дюжину детишек, часть из которых грудного возраста, и толпу баб!? Каково это выходить во Внешний мир, как вы его называете в своем Нифльхейме, переодевшись бродягами выискивать чистую кровь и еще не потухшие сердца, по крупичкам снова набирать хирд и доверять чужакам, одному за другим, свой дом, своих близких и свои знания!? Когда для того, чтобы выковать из молоденького рейнджера настоящего и преданного воина, уходит две зимы, а то и больше? Когда все ворота и окна борга в течении многих лет просто заварены железными листами, башни обтянуты камуфляжем и мхом, стяг спущен, а крупа и мука взвешена по количеству дней до новой вылазки? Я сам тебе отвечу, дверг – это нелегко. Но что будет легко, никто и не говорил!

– Но зачем? – сдавленно вытолкнул из себя Миха, все еще не желая окончательно сдаваться пониманию, что никуда от этого он уже не убежит. И, видимо, никогда.

– Это ты узнаешь позже, кузнец, когда придет твой срок. И если я хоть как-то знаю своего конунга, срок этот придет скоро... Мы на месте.

Дверь, к которой Харальд привел подземника на этот раз, неожиданно отличалась от всех предыдущих, темно-серых, без надписей и обозначений, а лишь с едва заметной полосой разлома посередине; эта же была поменьше размерами, но по дверной коробке поверх причудливой вязи странного рисунка были начертаны значки. Пока Харальд, низко склонившись над пультом, набирал код доступа, Миха внимательно рассмотрел надпись по узору. Незнакомо, непонятно... Викинг распрямился, окидывая дверь взглядом, словно видел ее впервые.

– Это футарк, рунический алфавит древних скандинавов, – сказал он.

– А что здесь написано? – Миха наконец-то уловил хаотическую суть узора, различив двух воронов, змея, плывущий корабль – все схематическое и по-древнему простое. Харальд пожал плечами, подталкивая дверга в открывшийся проем.

– Не помню.

Миха в общем-то догадался, что с ним делают северяне – обрушив на подземника невероятное количество новой и шокирующей информации, его сбивают с ног и одним ударом разрушают все основы, на которые когда-либо опиралось сознание Михаила. Стирают прошлое... чтобы нарисовать новое прошлое, чтобы построить новое будущее.

Следующий зал может быть и не шокировал до такой степени, как лаборатория, гараж или оружейный сарай, но впечатлял уж точно.

Немногом меньший, чем помещение для длинного дома, он имел кубическую форму и был довольно высок. Продолговатые светильники под потолком, включенные Харальдом, ярко осветили его внутреннее убранство. Несомненно, это был музей, и Миха подался вперед, впиваясь глазами в главный экспонат. Также как и длинный дом, построенный на специальной площадке прямо внутри башни борга, посередине этого зала на возвышении стоял корабль. Не катер на подводных крыльях, не жестяная крепость для речных походов – настоящий драккар, багрового цвета ладья из цельных досок, укрепленных внахлест. Не меньше пятнадцати метров в длину, с низкими бортами, обвешенными расписными щитами, с торчащими во все стороны веслами, словно крыльями, он был установлен на своем постаменте не ровно, а словно заваливаясь на волну. Вырезанная из цельного куска дерева, форштевень украшала драконья морда на гибкой шее. Сейчас она, горделиво откинутаая чуть назад, нависала ровно над подошедшим вплотную двергом.

Миха, приоткрыв рот, медленно двинулся вокруг ладьи, осторожно прикасаясь кончиками пальцев к упиравшимся в пол веслам. Мачта была установлена, единственный рей чуть приподнят, чтобы было заметно скатанный вокруг него красно-белый парус. На правом борту драккара, нарушая абсолютную симметрию корабля, в несуществующую воду уходило резное кормило.

– Это драккар, – голос Харальда долетал от входа, дробясь на металлическое эхо, – построенный первыми из нас, еще до Третьей войны. Имя его из живущих сегодня не помнит никто. Говорят, на нем предки ходили по Оби и Обскому морю, а с началом переселения спрятали, чтобы потом привезти сюда. Вот, видишь, привезли...

Миха не ответил, просто обошел дракку кругом, жадно впитывая глазами увиденное, и повернулся к заставленным стеклянными шкафами стенам. Старые шлемы, мечи, одежда какая-то, книги на специальных подставках, листы бумаги, закатанные в пластик, амулеты, украшения, был даже старинный, прожженный и грязный спальный мешок, заботливо выставленный в отдельном стенде. Каждая вещь имеет, что рассказать, подумал Миха, это место, где живут духи наших... их предков.

– Вот этот меч, – словно отвечая на молчаливые вопросы дверга, сказал Харальд, рукой указывая на висящий в стекле старинный меч, очень похожий на тот, что был у него самого на боку, – настоящий каролингский клинок из музея археологии Новосибирска, девятый век.

Ценная вещь, в таком отличном состоянии очень редкая в мире. Как он попал в Сибирь в конце двадцатого века вообще непонятно, а нам достался во время войны.

– Так вроде бы музей эвакуировали под столицу? – Миха наморщил лоб, вспоминая.

– А они его забыли, – без тени улыбки ответил северянин, – а это вот оружие, которым дрались наши предки... наши сибирские предки, – кузнец проследил жест, приближаясь к оружейному шкафу. Тускло-желтые, крашенные серебристой краской клинки были установлены на корявеньких и слабо обработанных кованых рукоятках, – это стеклотекстолит. Плотность, вес, баланс и параметры, как у любого настоящего меча, но убить нельзя. В их времена было непросто работать банкиром и хлестаться на железном оружии...

Банкиры, психологи, инженеры...

– Слушай, – неожиданно спросил дверг, оборачиваясь к северянину, – ну ладно, родился ты тут, имя тебе сразу дали скандинавское. А другие, что приходят, у них-то, как и у меня, наверное, имена нормальные, русские были? – Харальд пожал плечами, улыбнулся, кивнул. – Как вот, например, Орма звали, до того, как он к вам?..

– Саня, по-моему... – в ответ Миха лишь покачал головой и одними губами выругался. Тяжело вздохнул, прикрыл глаза. Нереальность в нереальном. Дурдом.

ХП

Наверное, нет подземелья, в котором бы потомственный подземник заблудился, ну или хоть примерно не знал, в какую сторону идти. Проходя по уже изученным ранее коридорам вслед за долговязой фигурой викинга, Миха внимательно косил глазами по сторонам, понимая, что уже почти что знает внутренний план Ульвборга.

– Иди к длинному дому, – Харальд остановился на развилке проходов, – встанешь у порога, пока не пригласят к столу, если вообще пригласят. А мне еще вниз заскочить нужно.

В глазах человека мерцали лукавые искорки, как будто он действительно знал, о чем сейчас думает дверг. Миха кивнул и северянин без промедления исчез, оставив на память только тяжелое эхо шагов. Осматривая обшитые жестяными листами стены, кузнец лишь через некоторое время, когда уже стихло и оно, сообразил, что остался один. И ни охраны, ни проводника... Они что, эти северяне, действительно полагали, что из борга вот так вот просто не выбраться? Или проверяли? Очередной тест, после которого он займет определенное ему место в картине мира этих людей. Кузнец прислонился к прохладной стене, поднимая глаза к ровному серому потолку.

– Не этого ли ты хотел, Миша? – поинтересовался внутренний голос, гнусаво посмеиваясь. Жизни вне осточертевших стен Убежища, когда ты в состоянии сам наладить собственную судьбу, вырвавшись из привычных нудных канонов, что навязывают тебе уставы и предписания? Жизни с арбалетом или самострелом в руках, когда ты не только строишь сам себя, но хватаешь будущее за глотку сильной рукой и прижимаешь к стене, заставляя делать по-твоему. Миха вспомнил, как еще в детстве хотел сбежать из дома с Миссией, но Братья, посмеиваясь на своем иностранном языке, все-таки вскрыли ящик и доставили малолетнюю находку представителю Убежища... Хотя, с другой стороны, а тут что, канонов или предписаний нет? Странные люди, эти северяне. Миха незаметно для самого себя покачал головой, и тишина коридора наполнилась его новым тяжелым вздохом.

Вывернули наизнанку всю его жизнь, перечеркнув прошлое огромным жирным крестом, и приглашают к столу. Будет у тебя, Мишка, – не унимался голос, – и кожаная потертая броня, и карабин, и может даже меч. Будешь матерым и выдавшим виды волчарой, перед которым отродья просто бегут прочь... Миха усмехнулся, криво и горестно. Уснуть бы сейчас, да проснуться свеженьким, забывшим все, отряхнувшимся от грязи. Но ведь проклятая кровь не даст...

И тогда Миха, сам того еще не до конца осознавая, принял одно из первых решений, рассуждая и мысля, как настоящий раум. Он решил пойти в длинный дом, добиться, чтобы его посадили со всеми за стол и, если позволят эти... как их?.. Норны! и, если позволят Норны, жесточайше напиться. Ноги, запомнившие расположение комнат, сами понесли дверга в нужную сторону.

У дверей в зал, где был построен длинный дом, он встретил Бьёрна, Хлёдвиг и еще одного викинга, имени которого не знал. Словно не заметив дверга, раумы прошли в двери, переговариваясь и негромко посмеиваясь о своем. Кузнец пропустил их, осмотрел пустынный коридор и вошел следом. Приблизился к деревянному дому, в котором уже скрылись викинги, еще раз внимательно обвел глазами всю огромную залу, куполообразный потолок, пристройки, массивное бетонное основание, и на этот раз заметил то, что скрылось от шокированного взгляда в момент первого посещения. Например, едва заметные коробочки камер наблюдения под вентиляционными люками, или датчики движения, тоненькие красные лучики, направленные на дверь башни. Усмехнувшись под нос, кузнец толкнул тяжелую дощатую дверь и ступил на высокий порог, вдыхая запах похлебки и жареной рыбы.

Дом встретил шумом, неторопливым говором и тихим брэнчанием гитары, струны которой лениво пощипывал в своей клети Сигурд. Конунг и ярлы на своих местах, а вот доброй половины остальных еще не было видно. На полу, у самого края правого стола, стояли два огромных кованых котла, от которых так и валил ароматный дым. Северяне еще не сидели за столами – валялись на спальнях лавках, что-то шили, точили, болтали, или двигали по клетчатым доскам резные фигурки. Миха обратил внимание, что сигарет в доме не курят – только трубочки. Сделав несколько шагов вперед, кузнец замер в ожидании.

Ну, может быть, тишина наступит, подумал он, как в старых вестернах, когда в салун входил краснокожий или негр, а может кто головой кивнет, все же заметив коротышку, но иллюзии лопнули, подобно мыльному пузырю. Миха стоял посреди дома, словно был сделан из чистейшего, прозрачного хрусталя. Ни на секунду не утих говор, конунг не оторвался от оживленной беседы с Рёриком, и гитара продолжала так же тихонечко плакать. Хорошо, что Харальд предупредил, подумал кузнец, а то бы уселся сейчас на свободное место, а проснулся уже без головы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.